

НФБ: МИРЫ АРТЕМА КАМЕНИСТОГО

ЮРИЙ УЛЕНГОВ
НАИЛЬ ВЫБОРНОВ

S-T-I-K-S

ЗАКОН И ПОРЯДОК

S-T-I-K-S

Наиль Выборнов

S-T-I-K-S. Закон и порядок

«Автор»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6--44

Выборнов Н. Э.

S-T-I-K-S. Закон и порядок / Н. Э. Выборнов — «Автор»,
2019 — (S-T-I-K-S)

ISBN 978-5-04-105797-8

Закон и порядок... остались в другой реальности. Отправляясь в ссылку из сытой Москвы, старший оперуполномоченный Оганезов считал, что самое страшное, с чем ему предстоит столкнуться в провинциальном РУВД, – паленая водка и смертная скука. На деле, выехав на бытовое убийство, опер «приехал» в другой мир. В котором участковый с понятыми могут жрать труп жертвы преступления, а папа-генерал и священная «красная корочка» не могут предоставить ни защиты, ни преимущества. Сможет ли столичный мажор выжить и найти свое место в этом мире, больше похожем на ночной кошмар? Придется постараться. Но для начала нужно поверить, что все это не игра больного воображения.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6--44

ISBN 978-5-04-105797-8

© Выборнов Н. Э., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Юрий Уленгов, Наиль Выборнов

S-T-I-K-S. Закон и порядок

© Уленгов Ю. А., Выборнов Н. Э., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1

Мотор древнего «бобика» натужно хрипел, под капотом что-то нехорошо стучало. И проблема явно была не в пропущенном техобслуживании или кривых руках механиков: в гараже при районной управе работал мастер с золотыми руками. Просто, сколько ни перебирай выпущенные чертову тучу лет назад движки, сколько ни меняй расходники, ресурс уже вышел. А на закупку новых машин денег не выделяли и не собирались. Это не родное отделение с «А-шестыми», увы. Впрочем, «А-шесть» по такому дерьму и не проедет.

Водитель повернул руль, съезжая с хоть и разбитой, но все же асфальтовой дороги на грунтовку, и я чуть не улетел головой в потолок. Выматерившись сквозь зубы, я дотянулся до ремня безопасности и пристегнулся в надежде, что это хоть немного уменьшит тряску. Рессоры скрипели, «уазик» бросало из стороны в сторону, и я почувствовал совсем не характерную для себя тошноту. Растрясло, укачало, блин.

Еще и с улицы какой-то кислятиной тянет. Наверное, очередной выброс с целлюлозоперерабатывающего комбината, который снабжал страну промышленным картоном, а воздух в городке – ароматами отходов. Как тут люди живут? Не понимаю. А еще говорят, мол, глубинка, природа, воздух свежий. Ага, свежий. Аж два раза. Московский смог и то приятнее.

Окно можно было и прикрыть, но сержант, сидевший за рулем, смолит одну сигарету за другой. Я к табаку пристраститься не сумел, но в милиции эта привычка повальная, найти некурящего очень сложно. И ничего не поделать, «наша служба и опасна, и трудна». Особенно тут, в одном из райцентров Брянской области, вдалеке от столичного лоска. Место-то вроде тихое, но геморроя меньше все равно не становится: кражи, ограбления, пьяные драки... В столице преступления серьезнее встречаются, жестче, а здесь девяносто процентов – банальная бытовуха. Не видит народ просвета, вот и бухает. «Спьяну жизнь херово видно, даже легче жить» – как пел незабвенный. А там, где алкоголь, да еще и некачественный, – там и все сопутствующее. Жена не дала мужу похмелиться – он ей голову молотком проломил. Над трупом «чекушку» приговорил, полегчало – вызвал милицию. Два кореша сидели, бухали, пока один ходил к соседу сигарету стрелять, второй бутылку допил, ему не оставил. Двенадцать ножевых. Алкаш залез к соседу за тазиком алюминиевым, на бутылку сивухи не хватало, тот его застукал. Стыдить начал, мол, как так жить можно, тот и устыдился. До такой степени, что насмерть соседа забил, неприятно, видать, стало нотацию слушать. Мрак, в общем.

Я уже почти решил закрыть раздвижную форточку, когда сержант закурил очередную сигарету. Жесть какая, сколько можно? Я уныло вздохнул и уставился в окно, но и тут ждала засада: снаружи все заволочло густым туманом, сквозь который не было видно ровным счетом ничего. Даже свет мощных фар «УАЗа» бессильно гас уже в каком-то десятке метров от машины.

– Чего-то мне хреново, – проговорил водитель, сбрасывая скорость до тридцати.

Трясти стало меньше, но то, что время, которое потребуется на остаток пути, увеличилось как минимум вдвое, раздражало.

– Так курить надо меньше, – ответил я, бросил взгляд на сержанта. Что-то он и впрямь выглядел сильно так себе, аж позеленел. Видимо, действительно хреново. – Ты что, бухал вчера?

– А что, заметно? – поморщился он.

– Только слепой не увидит, – кивнул я.

– Да, брат из рейса вернулся, – ответил он, вывернул руль. – Опять фонари не работают, что ли...

Дорога стала совсем никакой, но на черепашьей скорости это не особо беспокоило. Зато водитель от последствий вчерашних возлияний, похоже, совсем поплыл. Он, в отличие от меня,

был из местных и хотя бы примерно знал, что и где находится, но сейчас то ли из-за плотного тумана, то ли не из-за менее плотной пелены в голове потерял ориентацию.

– Черт, я не помню этих домов, – проговорил он. – Хрень какая-то.

Я поморщился, но ничего не ответил. Больше, чем местные обычаи, меня выводил из себя только брянский выговор – быстрый, неразборчивый и с уродливым, коверкающим язык «гыканьем». Ответить сержанту – значит спровоцировать сержанта на дальнейшие словоизлияния, а это последнее, что мне сейчас хотелось бы слушать.

Я достал из кармана телефон, чтобы хоть немного отвлечься, и увидел, что сети нет, даже 2G. Связь здесь вообще работала как-то странно и непонятно для меня, привыкшего к стабильному московскому LTE. Сеть то пропадала, то появлялась, иногда российские операторы не работали, зато прекрасно ловились белорусские. Та еще аномалия.

Решив, что пялиться в телефон нет смысла, я уставился в окно, за которым сквозь плотную пелену тумана стало видно так и не успевшую стать привычной за полгода картину: полуразваленные дома, сараи и другие постройки непонятного назначения, покосившиеся ворота. Кое-где в окнах мелькали огни свечей: похоже не работало не только уличное освещение, но и в домах пропал свет.

– Слушай, ты быстрее бы ехал, а, – попросил я. – Мне «висяк» в коллекцию не нужен, я в местном РУВД всю жизнь сидеть не собираюсь.

– Да нормально все будет. – Сержант поморщился и помотал головой. – Сто процентов, бытовуха. Пили, поссорились, один другому башку утюгом раскроил и домой ушел отсыпаться. Сейчас найдем его, пока в невменозе, погрузим в «бобик», завтра проспится, в штаны нагадит и будет чистосердечное писать.

Так и сказал «нагадит». Но стоило признать, что он был прав, скорее всего ситуация действительно не особо сложная. Да и участковый, судя по голосу, не волновался, значит, там не жесткий криминал, а бытовое убийство. Но вроде от города до села километров пять, а потом по самой деревне минут пять, а едем уже минут двадцать.

– Ты куда нас завез, Сусанин? – спросил я, понимая, что дорога как-то странно затянулась.

– Да хрен его знает, – пожал плечами сержант, помотал головой и резко остановил машину так, что ремень больно впился мне в грудь. – Туман этот все, блин. Чего-то мне совсем нехорошо...

Я снова вытащил из кармана смартфон, включил навигатор, но GPS отказывался находить наше местоположение. Ладно хоть офлайн-карта работала, нужно было выйти, посмотреть улицу и номер какого-нибудь из ближайших домов, может быть, спросить дорогу у абorigенов, если таковые попадутся на глаза.

– Подожди меня тут, – сказал я, освобождаясь от ремня, открыл дверь и спрыгнул на землю.

«Тиха украинская ночь». Местную ночь, конечно, нельзя было полноправно назвать украинской, но родина Тараса была совсем рядом. А вот про тишину – правда: я не слышал ни звуков фур, проезжающих по проходящей совсем недалеко трассе, ни голосов. И даже животные как-то притихли.

Туман будто стал еще плотнее, казалось, можно протянуть руку и пощупать мягкое облако. Чтобы разглядеть номер дома, пришлось включить вспышку на телефоне и подойти вплотную к забору, стоявшему на страже частной жизни жителей села. Быстро отыскав номер и название улицы на карте, я развернулся и крикнул:

– Слышь, а ты в курсе, что нам вообще в другой конец села?

Сержант не ответил, он оказался слишком занят тем, что блевал. Встал, нагнувшись и упершись руками в колени, и стал извергать из себя содержимое желудка вперемешку с какой-

то слизью. Похоже, парню было совсем хреново, а мне оставалось только стоять в стороне, не зная, как помочь. Да и не особо я горел желанием лезть, если честно.

Похоже, напитки, которыми они вчера праздновали возвращение брата-дальнобойщика, оказались совсем плохого качества. Я вообще предпочитал не пить ничего, купленного в местных супермаркетах, опасаясь нарваться на контрафакт и ослепнуть от отравления метанолом. Насколько мне рассказывали знакомые, практически весь элитный алкоголь в провинции – подделки различного качества. Что уж говорить про дешевое бухло?

– Вот тебе и дедовский самогон, – пробормотал сержант, подтвердив мою догадку, наклонился и испустил очередную тугую струю. Прислонился к борту машины спиной, вытер губы тыльной стороной ладони и сплюнул. – Больше не пью.

– Что-то тебе совсем плохо, – кивнул я. – Сходил бы проверился, УЗИ печени сделал, кровь сдал. Может, врач назначит хоть что-то.

– Знаю я этих врачей. – Он помотал головой, но тут же схватился за нее руками, будто боялся, что отвалится.

– Слушай, иди-ка ты в салон, я сяду за руль. Вроде нашел на карте нужный дом, доедем как-нибудь.

– Ты прав, наверное, – кивнул он, снова поморщился, очевидно, от накатившего приступа тошноты. – Черт, сейчас опять блевану.

– Только не в машине, – предупредил я его. – Можешь, конечно, в «стакан» залезть, там металл везде да коврик резиновый. Особо не напачкаешь. Но лучше потерпи.

– Еще в «стакане» не ездил, – поморщившись, ответил он, сплюнул и двинулся к пассажирской двери.

Я потянул на себя ручку, забрался на водительское сиденье и захлопнул дверь. Дождался, пока сержант устроится, повернул ключ, заставив двигатель недовольно заворчать, вынул из кармана смартфон и прикинул примерно, куда ехать. Построив у себя в голове маршрут, медленно тронул «бобик».

Местные дороги оказались хитрее, чем я ожидал. Мы проехали всего полторы сотни метров, и грунтовку пересекла еще одна дорога, которой на карте не было. Выругавшись, я продолжил гнать «УАЗ» вперед, пока не добрался до приметного ориентира – здания котельной, которое стояло вплотную к нужному перекрестку.

Я вывернул руль, проехал еще чуть-чуть вперед и снова повернул, заезжая на асфальтированную дорогу. Это был кратчайший путь до противоположного конца села, куда нам и было надо.

В свете фар мелькнула собака, которая быстро перебежала дорогу и исчезла в зарослях на противоположной стороне, отправившись по своим делам. Еще через сто метров мы встретились с более продвинутым представителем местной фауны.

У края дороги, подняв руку, стоял один из аборигенов – здоровый мордатый мужик в ватной куртке. Пришлось притормозить, но глушить двигатель я не стал: мало ли чего он может выкинуть? Тем более что местный житель оказался изрядно пьян: он пошатывался и периодически бормотал какую-то непонятную околесицу с изрядной долей матерщины.

– Слышь, – изрек он, с трудом сфокусировав на мне взгляд своих мутных глаз. – Вы городские, что ли? А чего свет вырубили?

– Понятия не имею, дядь, – ответил я. – Ты бы шел домой, проспался, а нам по делам ехать надо.

– А че за дела? – не понял он.

– Тебя это не касается. – Разговаривать с ним у меня не было никакого желания, тем более что уже казалось, что от смеси запахов тяжелого водочного перегара и странного кислого тумана меня самого вот-вот стошнит. – Когда касаться начнет, уже за тобой приедем, понял? Свободен.

– Ладно, ладно. – Толстяк, похоже, понял, что я не намерен вести диалог, и решил отвалить.

Он обошел машину, цепляясь рукой за капот, чем заставил меня недовольно скрипнуть зубами, и пошел в том же направлении, куда только что скрылась собака, но запутался в собственных конечностях и свалился в кусты, огласив улицу несколькими нецензурными выражениями.

Я побоялся, что мой напарник сейчас потребует, чтобы мы пошли и немедленно спасли алкаша, но сержант опустил голову на грудь и, похоже, заснул, даже не заметив произошедшего. Оставалось только вновь тронуть машину.

Минут через десять я добрался до места назначения. Может быть, приехал бы раньше, но, к своему стыду, заблудился в трех соснах и проехал мимо нужного здания. Пришлось делать крюк, потом выходить, снова отыскивать на ближайшем строении табличку с указанием улицы и номера дома.

Я остановил «УАЗ» на дороге, не рискнув заезжать на импровизированные мостки, представлявшие собой железные ворота, брошенные поверх нескольких толстых бревен, заглушил двигатель и растолкал сержанта. Того, похоже, совсем разморило, а от сна в движущейся машине он совсем одурел. Но послушался, вылез из тачки, зачем-то прихватив свою «ксюху», будто кто-то мог на нас напасть, и встал, прислонившись спиной к двери «УАЗа».

Окраина села вообще представляла собой жалкое зрелище. Три или четыре дома вокруг заброшены, один вообще развалился, кое-где покосились заборы, а участки заросли полынью, крапивой и сорной коноплей. Дом, который был нам нужен, и сам выглядел как заброшенный, но у него хотя бы была целая крыша. Значит, хозяин хотя бы топил печь, а балки и стропила не прогнили насквозь от сырости.

Участковый нас встречать не вышел, хотя звук движка «бобика» был наверняка прекрасно слышен в хлипком строении. Я решил не дожидаться приглашения, открыл ворота и вошел в неухоженный и заросший крапивой двор. Мои ожидания оправдались: похоже, что дом действительно принадлежал какому-то местному ханурику. Крыша сарая провалилась внутрь, возле собачьей будки валялся ошейник на цепи, проходима была только небольшая тропинка, ведущая к крыльцу. Нормальный человек так жить не станет.

Я двинулся в сторону входа, стараясь избегать колючих листьев. Под подошвой хрустнули осколки бутылки, и я выругался: туфли стоили три сотни баксов, не хватало только пропороть подошву. Уверен, адекватной замены не купить не только в дыре, куда меня сослали, но и в самом Брянске.

Встал, прислонившись к стене, проверил подошву – все оказалось в порядке. Слава богу. Двинулся дальше, стараясь смотреть, куда наступаю, но все-таки умудрился обжечь ладонь о торчащий стебель крапивы, поморщился и почувствовал всплеск раздражения. Мысленно проклял и этот город, и аборигенов, которые ничего, кроме дешевого алкоголя и поиска денег на него, не знают, и ублюдков, которые везде ходят с камерами и снимают что ни попадя и себя-дегенерата.

К крыльцу вела покосившаяся лесенка из прогнившего дерева. Следы краски, даже если она здесь и была, давно стерлись, всюду росли плесень и лишайники.

Каждую секунду ожидая, что ступени проломаются под моим весом, я поднялся вверх, толкнул входную дверь и вошел в помещение, из которого потянуло запахом застарелой мочи, водочного перегара и почему-то железа.

– Эй, есть тут кто? – спросил я.

Ответа не было. Я прислушался, но не услышал ничего подозрительного, поэтому двинулся дальше. Прошел мимо кухни, заваленной пустой стеклотарой, похоже подготовленной к сдаче, чуть не споткнулся о валяющийся на полу разбитый старинный торшер и толкнул дверь, ведущую в следующее помещение.

Это был зал. Такой вывод я сделал по продавленному дивану с разорванной во многих местах коричневой обивкой, и пузатому телевизору. На полу кто-то копошился. Я опустил взгляд и присмотрелся. Зря.

Стоило мне разглядеть, что именно там происходит, как в желудке все перевернулось, а недавно съеденный ужин стал подниматься вверх. Правда, блевануть организму не позволил мозг, не поверивший в увиденное и лихорадочно пытающийся отыскать причину галлюцинаций.

На полу жрали мужика. С азартом и упоением, с аппетитом, давясь и размазывая по лицам кровь вперемешку с желчью и дерьмом из вывалившихся наружу потрохов. Мозг отказался оценивать происходящее и перешел в режим наблюдения, бесстрастно фиксируя увиденное.

Жрущих было трое: мужик в милицейской форме, наверное, тот самый участковый, что должен был нас встречать, и две женщины – должно быть, понятые. Ну а жрали они, действуя методом исключения, жертву преступления. Что, мать его, здесь происходит вообще? Мне местные с первого дня малость двинутыми кажутся, но не до такой же степени!

Милиционер внезапно оторвался от своего занятия, поднял голову и посмотрел на меня. Сердце сделало кульбит и бешено заколотилось где-то в области горла, меня бросило в жар, и я почувствовал, как между лопаток ползет струйка липкого пота. Черт, у нормального человека такого взгляда быть не может!

Если до этого я думал, что здесь имеет место пусть и необычное, но помешательство, или в селе действует какой-нибудь древний культ каннибалов, то, заглянув в глаза участковому, я понял, что обе мои теории несостоятельны. ТАК смотреть живой человек не может. Тогда что это? Апокалипсис? Страшный суд? Мертвые поднялись, чтоб питаться от живых? Но ведь мертвый мужик ведет себя так, как труп и положено – лежит и не двигается. Безумие какое-то.

Участковый неестественно повел шеей и оскалился. Я сглотнул. Перекошенная, испачканная кровью рожа выглядела ужасно. Я невольно сделал шаг назад – и участковый потянулся за мной, издав плотоядное урчание. Да ну на фиг! Я на такое не подписывался!

Развернувшись, я рванул к выходу, а за спиной послышался топот. Мать твою, эта тварь идет за мной! Я спрыгнул с крыльца, запнулся и еле удержал равновесие, чтобы не завалиться всем телом в заросли крапивы.

Я добежал до металлической калитки и выбежал со двора, закрыв за собой створку и прижавшись к ней спиной. Забор даром что был дряхлый, но очень высокий, почти на голову меня выше. Человек без подготовки не перепрыгнет, хоть пару секунд, но потратит, а мне только этого и надо.

Под руку попало кольцо, с помощью которого можно было закрыть засов. Все детали простецкого механизма порядком заржавели, но я все же решил потратить пару секунд на то, чтобы попасть в паз металлической полосой, после чего развернулся и рванул к машине.

– Саня, за рацию! Бегом! – проорал я. – Там психи какие-то, надо ОМОН вызывать!

На хрен! Что-то мне подсказывает, что просто скрутить каннибалов не получится, тут стрелять придется, и тогда я из этой дыры никогда в жизни не выберусь! Завалишь журуна этого, а тебе превышение самообороны вкрутят или еще чего похуже. Особенно учитывая, что тот, кого придется валить, – сам мент, хоть и деревенский. Мне такого не надо, пусть им занимаются те, кому по инструкции положено! А я человек маленький, я тут этих людоедов посторожу, чтоб не сбежали до приезда.

Из-за серого кузова «бобика» вышел сержант. И он совсем не торопился лезть в «УАЗ», чтобы вызвать подмогу. Совсем наоборот, водитель смотрел на меня таким же безумным взглядом, как и участковый до этого. Да какого хрена тут происходит?!

Я сунул руку под куртку, расстегнул клапан наплечной кобуры и достал пистолет. Кажется, мне придется сгнить на Брянщине. Даже если меня не посадят, о переводе назад в

столицу придется забыть. Шутка ли – против собственного напарника оружие применить? Но лучше я его, чем он меня. Что за помешательство вообще?

Саня, странно покачиваясь, направился в мою сторону, подволакивая ноги и что-то едва слышно сипя. Может, ему плохо опять? Помощь нужна?

– Саня! Сань, ты чего? Тебе плохо?

Нет ответа.

– Сань!

Никакой реакции. Только еще ближе ко мне, руки тянет, урчит плотно, совсем, как участковый. Хорошо, хоть за «ксюхой» не тянется.

– Саня, не надо, – попросил я у него, снимая «макаров» с предохранителя и досылая патрон. В то, что слетевший с катушек сержант меня услышит, я не верил, но просто так выстрелить в сослуживца не смог. – Саня, я же стрельну!

Но он никак не реагировал, только продолжал идти в мою сторону. Между нами было метров семь, когда я наконец решился, задержал дыхание и потянул на себя спусковой крючок.

Что бы ни думали мальчишки, выросшие на компьютерных играх, пистолет Макарова – прекрасное оружие для милиционера. Часто его даже не приходится применять, достаточно просто показать ствол и помахать перед носом зарвавшегося быка удостоверением, чтобы он успокоился. Ну а если уж придется... Пуля, выпущенная из «ПММ», обладает превосходным останавливающим действием, а попадание в плечо гарантированно выводит из строя любого противника. Просто, эффективно, безопасно.

На это я и рассчитывал. Только вот сержант неудачно качнулся, зацепившись ногой за край мостка, и пуля пошла ему точно в середину лба, оставив аккуратное входное отверстие и оросив грунтровку фонтаном из крови, кости и мозгового вещества. Тело напарника осело на землю, а я почувствовал себя, мягко говоря, неудобно.

– Твою мать! – Только и оставалось, что ругаться.

Я развернулся, взяв на прицел калитку, заранее представляя себя в зале суда. И заголовки газет: «Оперуполномоченный сошел с ума, расстрелял напарника, участкового и двух понятых». Ни мои коллеги, ни журналисты не станут разбираться, что на самом деле произошло, надо им это.

Да и то, судить будут, если только сам сдамся, а иначе пулю в голову и в номерную могилку где-нибудь на сельском кладбище...

Однако калитка не открылась, и психи из нее не повалили. Они стучались с противоположной стороны, скреблись, но мозгов схватиться рукой за ручку и повернуть им явно не хватало.

Черт! Предупредительный!

Я поднял ствол в стремительно темнеющее небо и потянул спуск. Все! Теперь не придутся. Наверное.

В калитку ударили. Не очень сильно, так, будто тычется кто-то. Я вспомнил безумный взгляд участкового, и меня передернуло. М-мать! Что делать?

С одной стороны, оставлять трупоедов просто так здесь нельзя: мало ли, придет какая-нибудь сельская баба, откроет калитку на звук – и привет. С другой... С другой стороны, у меня теперь есть свои проблемы, да такие, что охренеть можно. Мне точно не до участкового с понятыми сейчас, хотя их тоже так бросать не дело. Не заявится никто, так сами выбегутся огородами, да и других жрать пойдут. Что ж это их так торкнуло? Может, наркота какая? Хотя напарник-то мой наркотиками не баловался, он по «натурпродукту» проехался. Ну, если, конечно, не «двинулся» втихаря, пока я в дом ходил. Да ну, чушь, какая наркота на фиг. Тут что-то другое. Ладно, это херня все. Надо думать, что с Саней делать.

Напарник лежал на земле, рассматривая небо уже успевшими остекленеть глазами. Я скрипнул зубами и сделал то, чего делать очень не любил: достал смартфон и нашел в нем

номер отца. Звонить не хочется, да, но если кто и сможет что-то сделать или посоветовать в этой ситуации, так это батя – генерал МВД с очень обширными связями. Совсем не факт, что он меня отмажет, но, по крайней мере, что-нибудь посоветует. Я нажал на пиктограмму вызова и выругался: сети по-прежнему не было. Мать твою! Скорее всего и отсутствие света, и неработающие телефоны были признаками одной проблемы. Авария на подстанции или что-то такое. Что же делать?

Можно было, конечно, просто вызвать по рации отдел и рассказать все, как было. Но кто мне поверит? Местные коллеги вообще могут запросто удавить меня в камере. Кто я им, так, столичный мажорик, которого отправили в провинцию из-за косяков. Мое подчеркнутое пренебрежение, дорогие шмотки и тачка тоже не добавляли мне симпатии со стороны озлобленных, получающих копейки мужиков. А Саня был для них свой, еще и земляк. Хорошо, если меня до камеры вообще довезут. Ладно, не вариант, проехали. Надо думать дальше.

Думать, стоя в стущающейся темноте посреди пустой сельской улицы над трупом напарника и с тремя каннибалами за забором, получалось так себе. В итоге я принял единственное здоровое, как мне тогда показалось, решение: загрузить Санин труп в машину, добраться до места, где ловит связь, и позвонить отцу. Уж он что-то должен придумать, он-то за сорок лет службы в каких только передрягах не побывал. Ладно. Примем за план.

Я открыл дверцу «бобика», сдвинул сиденье и достал из-под него большой кусок брезента. Подошел к телу сержанта, наклонился, снял с его шеи ремень с «ксюхой», повесив его себе за спину. Расстелил брезент на земле и перекатил парня на полотно. Из развороченного затылка вновь потекла кровь, резко пахло духом скотобойни, и меня чуть не вывернуло прямо на мертвеца.

Я вернулся в кабину, взял из бардачка полиэтиленовый пакет, заодно оставив на пассажирском сиденье автомат, вернулся к телу и надел пакет ему на голову. Так воспринимать мертвого стало гораздо легче, да и не наслежу так сильно.

Вроде особыми габаритами сержант не выделялся, а оказался тяжелым. Надо же – с виду килограммов семьдесят в парне, а ощущение, будто мешок с песком волочишь. Но в конце концов справился, правда, пока в «стакан» труп грузил, чуть сам не умер, но справился, отволлок тело подальше от дверей, прыгнул на землю.

Включил вспышку телефона в режим фонаря, осмотрел внимательнее место преступления и недовольно поморщился. Наследил, уж очень много крови выбила пуля со смещенным центром тяжести из головы сержанта. Наклонился, подобрал пистолетную гильзу, сунул ее в карман куртки и вернулся в машину.

Здесь же, за сиденьем, лежала полуторалитровая бутылка бензина, завернутая в полиэтиленовый пакет, и два баллона воды. Очень кстати. Запасливый парень Саня... Был.

Я тщательно ополоснул руки, потом плюнул на то, что буду вонять, и протер их тряпичей, смоченной бензином. Вроде оттерся. Черт, пройти бы бензином по следам, оставленным телом, но не знаю, лучше не надо, наверное. Если батя скажет сдаваться, хоть попытку сокрытия не предъявят. Не стоит отягощать свое и без того бедственное положение.

Упрятав пустые бутылки обратно, я задвинул на место водительское сиденье, забрался на него, захлопнул дверцу и завел двигатель, после чего резко развернул «бобик» и, нещадно выжимая педаль газа, поехал назад, к трассе, надеясь, что, хотя бы там связь будет работать.

Ох и вляпался же я!

Глава 2

Машина прыгала по кочкам и колдобинам козьей тропы, назвать которую дорогой не поворачивался язык. В салоне воняло бензином, кровью и чем-то еще, неуловимо, тревожно и будоражаще.

Возможно, именно так пахнет смерть.

Я осторожно рулил по деревне, держа путь к обжитой ее части. Насколько я помню, обычно в таких селениях именно через центр проходит основная дорога, которая и выведет меня к трассе. Офлайн-картам в смартфоне я уже не доверял: они показывали какую-то дичь.

Темнело. И темнота эта мне тоже не нравилась. Восемь часов вечера всего, в этих краях намного позже темнеет, в восемь темно только поздней осенью. Не должно так быть, неправильно это. Бред.

Впереди показались люди, и я невольно нажал на тормоз, почему-то не желая их обогнать. Рационального объяснения этому я не находил и предпочел просто положиться на инстинкт. Совсем глушить движок я не рискнул, опасаясь, что по закону подлости в самый неподходящий момент в машине что-то сломается и завести ее я не смогу, но фары выключил и движение прекратил. Что-то не так с этими селянами, спорить готов.

Селян было двое, оба мужики. Походка шатающаяся, неверная. Пьяные? Непохоже. Идти пытаются быстро, но получается плохо. Куда они так стремятся?

Селяне остановились у покосившегося забора и принялись что-то разглядывать за ним. Наконец один наткнулся на калитку, оказавшуюся открытой, как-то бестолково ткнулся в нее, потоптался на месте и, наконец, зашел во двор. Второй последовал за ним. Спустя несколько секунд раздался оглушительный рев, который я, выматерившись от неожиданности, идентифицировал как коровье мычание. Причем мычание истошное, полное боли. Я переключил передачу и, все так же не включая фар, медленно поехал вперед.

Поравнявшись с забором, за которым заходила в мычании буренка, я остановил машину, открыл дверь, и, встав на подножку, заглянул через забор.

И сразу же вернулся обратно в машину.

Селяне были безумцами. Такими же, как участковый с понятиями, такими же, как Саня. Вспомнив напарника, я невольно поежился и бросил быстрый взгляд назад, на накрытое брезентом тело.

Из увиденного следовало, что безумцы горазды не только людей жрать. Эти, например, очень хотели сожрать корову. Правда, кишка для этого у них была тонковата. Буренка, до этого мирно щипавшая траву возле сарая, отреагировала на попытку откусить от нее кусок вполне логично и ожидаемо. В тот момент, когда я заглянул через забор, один из безумцев безрезультатно пытался встать с земли, получив удар копытом. Второй, отброшенный ударом рогов, так же вяло копошился чуть впереди.

Но самым интересным было другое.

И первый, и второй селянин копошиться после коровьей контратаки не должны были. У первого даже в сгущающейся темноте четко было видно обломки сломанных ребер, торчащих из разорванного бока, второй, получив рогами в голову, будто не замечая висящей на обрывках кожи собственной нижней челюсти, упорно пытался подняться, не сводя при этом глаз с парнокопытного. И все это в полной тишине. Ни крика, ни стона. Только мычание безумно перепуганного животного.

Что за дерьмо здесь творится?

Я тронул машину с места плавно и аккуратно, несмотря на то что все мое существо требовало утопить педаль газа в пол и мчаться до самого Брянска, а лучше – до Москвы. Однако мне не хотелось привлекать внимание тех, кто способен остаться в живых, получив такие раны.

Совсем не хотелось.

Оставив мычащее животное и не отказавшихся от попыток полакомиться говядиной безумцев за кормой «бобика», я свернул на одну из узких улочек, которые даже не отображались в сошедшем с ума навигаторе, остановился, убедившись, что на улочке, кроме меня, никого нет, и взял с пассажирского сиденья автомат.

Кажется, у меня появились проблемы серьезнее трупа сержанта, лежащего в «стакане». И мне хотелось быть к ним готовым.

По логике, рвануть бы сейчас напрямую к трассе, не останавливаясь – все безумцы, которых я видел, двигались медленно и вяло, догнать детище сумеречного гения советского автопрома им не под силу. Но я видел слишком много ужастиков со схожим сюжетом. В этих ужастиках герой, изначально находящийся в довольно безопасных условиях, очень быстро попадал в полную задницу. Жизнь – не голливудский «жутик», но, учитывая все события сегодняшнего дня, я совсем не удивлюсь, если со мной произойдет нечто подобное.

Взяв автомат, я отщелкнул магазин и дернул на себя затвор. Сержант возил «ксюху» без патрона в патроннике, видимо, не рассчитывал, что автомат придется когда-нибудь использовать. В принципе правильно, что тут может случиться страшного? У какого-нибудь охотника в голове переклинит от избытка водки, и он запрется у себя в избе и станет палить из «ижака» по прохожим? Ну, так в таких случаях вызывают городской ОМОН.

Нет, конечно, служба у нас была та еще, но предполагалось, что мы будем справляться своими силами, без огнестрельного оружия. Да и ясное дело: выстрелить легко, а писать бумажки, объясняться с отделом внутренних расследований и с прокуратурой – уже нет.

Я утопил спусковой крючок, и автомат сухо щелкнул. Разумеется, обращаться я с ним умел, даже стрелять приходилось, хоть и на стрельбище. Табельный «ПММ» был удобнее и привычнее, но «укорот» по огневой мощи превосходил его на две головы, и пренебрегать этим никак было нельзя. А что-то подсказывало мне, что эта самая огневая мощь в ближайшем будущем может мне пригодиться.

Внезапно раздался крик, треск ломающихся досок, и через забор, метрах в пятидесяти от меня, буквально перевалилась фигура. Женская, насколько смог я рассмотреть. Женщина с трудом поднялась на ноги, увидела мою машину и со всех ног рванула к ней.

– Помогите!

Мать твою. Тебя мне еще для полного счастья не хватало.

Первым порывом было дать задний ход и свалить куда подальше: не стоило забывать про труп убитого мною сержанта. Но я быстро взял себя в руки. Бабе точно не до того, чтобы задавать неудобные вопросы. К тому же она была единственным нормальным человеком, увиденным мною в этой дыре, если не считать, конечно, того бухого гуманоида, у которого я пытался спросить дорогу, а нормальные люди тут дефицит, по всей видимости. Надо помочь.

Я открыл дверь и выбрался из машины, не забыв прихватить автомат.

– Сюда давай! – Я подкрепил свои слова взмахом руки.

Увидев меня, женщина – совсем молодая девчонка, если уж быть точным, ускорила. Однако, не сделав и пяти шагов, она споткнулась и тяжело рухнула на землю. А через забор как-то очень быстро и ловко перемахнула еще одна фигура, которая, издав нечто вроде горлового клекота, рванула к распластавшейся девке.

Безумец. Еще один. Только быстрый. Очень быстрый, я таких еще не видел. В два прыжка он преодолел расстояние, отделяющее его от девчонки, и навалился сверху. Девка завизжала, крик быстро превратился в невнятный хрип, а я грязно выругался: сейчас даже автомат мне не помощник, я не смогу попасть в безумца, не задев девчонку. Скрипнув зубами, я рванул вперед.

Услышав топот, безумец поднял голову и уставился на меня. Блин, финиш, кажется, я опоздал: вся морда селянина была перепачкана свежей кровью. Сволочь!

Остановившись, я вскинул автомат и постарался успокоиться. Где там! Сердце колотилось, превышая норму раза в два, наверное, а руки ходили ходуном. Безумец подобрался. Это чего он, прыгнуть готовится?

Сзади раздался шум. Я оглянулся и увидел в конце улицы, неподалеку от машины, еще несколько фигур. Психи. Трое. Идут быстро и целеустремленно, прямо ко мне. Я бросил взгляд на шустрого, не сводящего с меня взгляда, опять посмотрел на тех троих. Не успею. Прости, милая. Кажется, я тебе не помогу.

Не опуская автомат, я принялся пятиться к машине, потом развернулся и побежал. Прыгнул на сиденье, бросил автомат рядом, и, переключив передачу и вывернувшись всем телом, поехал задним ходом, быстро набирая скорость.

В окошке сзади мелькнула перекошенная рожа одного из психов, послышался слабый удар, машина подпрыгнула. Только бы не заглохла, блин! Наконец я вырвался из капкана узкой улочки и лихо развернулся. Почти как на своем «рейндже», ты гляди, привыкаю к автопрому!

Снова переключив передачу, я рванул по главной улице деревни. Все, хватит тут кататься! На трассу, и в город!

Мимо мелькали строения. Здесь дома были подворотнее, не перекошенные хаты, которыми была преимущественно застроена окраина, нормальные такие постройки, кирпич, шлакоблок. И ни в одном из окон не было света. Чертовщина.

По улице бродили психи. Достаточно много. Странно, в селе жителей-то должно быть человек четыреста. Ну, родственники, которые приехали из города отдохнуть и сходить в баню, пусть пятьсот человек... Откуда столько безумцев? Будто в зомби-фильм попал! Но это не зомби же, я видел участкового вблизи. Что-то другое.

В голове толкались мысли об испытании боевых вирусов, вспомнился этот странный туман, который уже не казался вонью отходов картонной промышленности...

Телефон ловить сеть отказывался. В любом диапазоне. И по рации, которая должна бы работать, на всех волнах слышались только помехи. Мои проблемы уже проблемами мне не казались. На секунду я даже подумал, что зря подобрал труп сержанта. Можно было оставить его на съедение, потом сказать, что это агрессивные аборигены задрали его и съели. Они уж должны были объесть тело до такой степени, что никто не обратит внимания на маленькую дырочку во лбу.

Подумал об этом, и аж спина вспотела. Посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Стас, это ж откуда у тебя такие мысли, ты ж не конченная мразь, а Саня, как ни крути, все-таки свой...

Оставалось только заглушить голос корившей меня совести придумыванием нового плана. Он был прост – добраться до районной управы и сообщить о творящемся в деревне. Если и в городе происходит то же самое – ехать в Мглин, Унечу, хоть до Брянска. Если, конечно, не напорюсь на военные кордоны, развернутые, чтобы локализовать заразу, – похоже, мозг принял версию с вирусом за основную.

Впрочем, кордоны мне не страшны... Наверное. У меня тут все-таки милицейская машина, да и ксива при себе. А она помогала решать практически любые вопросы. Здесь, в глубинке, удостоверение с красной обложкой значило даже больше, чем в столице, и было универсальным ключом-пропуском на все случаи жизни. Вот только в голову все настойчивее лезли картинки из все тех же фильмов. Кажется, там в карантинных зонах наличие разнообразных удостоверений и регалий статистам не особенно помогало, они даже похвастаться ими не успевали. Ну, то кино, а это жизнь. Никто не станет стрелять на поражение по ментовскому «бобику», не разобравшись в ситуации. Особенно если не провоцировать никого. Во всяком случае, мне очень хотелось так думать.

Кстати, если это какой-то боевой вирус, почему он на меня не подействовал? И не только на меня, молодуха та тоже не ковыляла, бежала, спасалась... Черт. И не спаслась.

Я со злостью стукнул кулаком по рулевому колесу, машина слегка вильнула, я вернул ее на дорогу, и ударил по тормозам.

Трасса, по моим расчетам, была уже совсем рядом, мне бы на нее выскочить, и гнать-гнать-гнать, но не остановиться я не мог. Я опять встретил живых.

У приземистого строения придорожного магазина стоял джип, неуловимо сочетававший в себе черты армейского «УАЗа» первых, послевоенных, выпусков и «Виллиса», как в старых фильмах. Двое бомжеватого вида мужиков грузили в машину какие-то ящики.

«Клевое» – гордо гласила вывеска над входом, а рядом с кривыми буквами был изображен поплавок. Я бы скорее назвал это место «Унылым», другого подходящего слова по отношению к смеси сельского магазина и кафе для дальнбойщиков мне в голову не приходило, но неведомый креативщик решил, что название местечку подходит. Да и черт с ним.

То, что мужики явно не имели желания поедать трупы, меня уже заинтересовало. А присмотревшись, я понял, что здесь явно имела место попытка ограбления. Хотя, какая, к черту попытка, грабеж шел вовсю, алкоголь и закуски грузили в багажник ящиками. А еще свет фар выхватил женщину, которая сидела на лавке перед магазином, поджав колени и утопив лицо в ладонях. Очевидно, продавщица...

Наверное, происшествие с девчонкой, спасти которую мне не удалось, все же наложило отпечаток на мою психику. Ничем другим объяснить свои дальнейшие действия в текущей ситуации не смог.

Я рванул вверх рычаг ручного тормоза и, не став глушить двигатель, вышел на улицу. Встал, прикрывшись бортом от возможного огня, дослал патрон, высунулся, взял одного из мужиков на мушку и крикнул:

– Руки вверх! Старший оперуполномоченный Оганезов! Какого хрена здесь происходит?

Грабители отреагировали, но, к моему удивлению, совсем не так, как должны были мелкие преступники при виде милиционера. Мужики остановились, переглянулись, но ни страха, ни даже беспокойства не выказали. Один даже установил в багажник ящик, который держал в руках.

Сейчас я смог разглядеть их как следует. Одеты как охотники, в «горки», чем-то неуловимо отличающиеся покровом от привычных мне охотничьих комплектов. Костюмы покрыты грязью, сами мужики заросли бородами чуть ли не до самых бровей. Но больше всего меня заинтересовала «ксюха», висящая на груди одного из грабителей. Ни хрена себе!

Я перевел взгляд на продавщицу и в свете фар увидел на ее ногах несколько синяков. Волосы торчали клочьями, а одежда оказалась изгваздана чем-то и растрепана. Похоже, тут не только грабеж, но и изнасилование... Ну, суки...

Спокойствие ублюдков поражало. Один из них, тот, что с автоматом, поправил оружие и спокойным, даже ленивым, голосом ответил мне:

– Ехал бы ты отсюда, мусорок. Не видишь, люди делом занимаются?

– Я спросил, какого хрена здесь происходит? – ответил я, скрипнув зубами. В другое время любой, назвавший меня мусором, тут же получил бы по почкам и полтора грамма кокса в карман, но сейчас пришлось пропустить это мимо ушей. Пока.

– Пришли за тем, что нам нужно. Забираем и валим, пока пустыши из деревни не подтянулись. Ты бы тоже валил, не мешал людям. А то ведь и пулю можно схлопотать.

То, что урод был готов стрелять в сотрудника милиции, слегка сбilo меня с настроения, но съезжать было нельзя.

– Оружие на землю! – продолжил я давить. – Или открываю огонь на поражение.

– Ты дурак или как? Тут вашей власти нет. Или у тебя от «кисляка» до сих пор в башке не прояснилось? Езжай давай, тормоз, пока тебе нормально говорят.

На секунду мелькнула мысль опустить автомат и спросить, что происходит и откуда грабители знают о тумане, который они, очевидно, и именовали «кисляком». Но в это время второй из уродов заверещал на удивление высоким голосом:

– Кастет, да что с ним вообще разговаривать? Пулю в лоб легавому, и все дела.

Что-то щелкнуло в голове, и я взглянул на ситуацию с другой стороны. Жители села и мой напарник, превратившиеся в зомби из американских ужастиков, какие-то жлобы, которые грабят магазин, ничуть не стесняясь происходящего и оттрахав перед этим продавщицу... К тому же готовые стрелять в заставшего их на месте преступления милиционера...

Я не мог найти этому рационального объяснения, а все механизмы психологической защиты, похоже, наконец-то вышли из строя. Только этим я могу объяснить, что осмелился в тот момент нажать на спусковой крючок.

– Кастет, он сейчас шмальнет! – успел предупредить своего товарища грабитель, прежде чем очередь разворотила ему грудную клетку.

Именно этот крик и спас жизнь назвавшему меня мусором уроду. С невообразимой скоростью он успел броситься в сторону, укрывшись за бортом машины. Не успел труп первого грабителя упасть на землю, как второй уже начал стрелять по «бобику».

Я упал на землю, прижавшись спиной к колесу, совсем не волнуясь, о том, что дорожная пыль пачкает куртку из ЦУМа за семьдесят тысяч рублей. Как-то не до того стало.

Плечо болело от отдачи, сердце колотилось, в ушах стучало, а в кровь выплеснулись литры адреналина. Я и раньше бывал в передрягах, но тогда все чувствовалось иначе: злоба и азарт охотника, гонящегося хоть и за зубастой, но жертвой.

Сейчас все было по-другому: пули шили насквозь металл, из которого был изготовлен кузов «УАЗа», свистели прямо над головой, а я не мог даже высунуться. Не похож я сейчас на охотника. Наоборот скорее. К счастью, стрелял грабитель высокомерно и не смог бы достать меня даже случайно, но ведь он, несомненно, догадается, что нужно переместить прицел ниже.

Я наклонился к земле, выглянул из-под днища «бобика», но оказалось, что отморозок занял грамотную позицию, присев у колеса «виллисоуза». Единственной возможной мишенью была только нога, обутая в военный ботинок с высоким берцем. Попасть в нее с расстояния в десятки метров было сложной задачей, но один раз мне сегодня уже «повезло» со стрельбой.

Отпустив автомат, который все это время прижимал к груди, я вынул из кобуры пистолет, прицелился и трижды нажал на спусковой крючок. Не знаю какой пулей, но попал, потому что в ответ на мои выстрелы послышался взрыв мата и крик боли.

Грабитель упал на землю и тут же получил еще две пули в живот. Сердце, казалось, вот-вот вырвется из груди, но времени на промедление не было, поэтому я выскочил из укрытия и рванул в сторону бандитской тачки.

Кастет бросил автомат и лежал на земле, зажимая ладонями рану. Урод ловил ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Когда он увидел, что я прицелился ему в голову, то открыл рот, чтобы сказать что-то или попросить пощады, но я решил не давать ему такого шанса и вновь утопил спусковой крючок.

А потом «проконтролировал» того отморозка, что свалил первым, угостив и его еще одной свинцовой пилюлей. Перезарядил пистолет, упрятал обратно в кобуру и посмотрел на ладони. Руки не то что дрожали, ходили ходуном, будто у запойного алкоголика с тридцатилетним стажем.

Как я вообще попал куда-то в таком состоянии?

В голову пришла первая рациональная мысль за сегодняшний день: нужно узнать, с кем я схватился. Наклонившись над трупом Кастета, я проверил его карманы и, к собственному удивлению, не обнаружил никаких документов. Нашел пистолет в наплечной кобуре, запасной магазин к «ксюхе» в кармане куртки, но ни паспорта, ни водительского удостоверения не было.

Для меня такое было нонсенсом. Как можно выйти из дома, а уж тем более сесть за руль без документов? Понятно, что это глухомань, здесь не так все жестко, как в городе, но все же ездить без прав... На всякий случай я обшарил и второй труп, но там улов был еще более скудным: только пачка сигарет, размокшая от крови.

Машина грабителей подверглась такому же тщательному обыску, я заглянул в бардачок, под сиденья и во все возможные потайные места. Добычей оказалась фляга с непонятной вонючей жидкостью, небольшой кожаный мешок с какими-то шариками и открытка порнографического содержания, которую я проигнорировал.

Закончив обыск, я сделал вывод, что мне повезло. Похоже, грабители были конченными отморозками, раз ездили без документов, пусть даже фальшивых. Может быть, беглые ээки? А что, вполне реально. Если действительно в окрестностях имела место какая-то техногенная катастрофа, сидельцы из какой-нибудь колонии вполне могли и сдернуть, воспользовавшись неразберихой. Блин, есть тут поблизости ИТУ? Не помню, как отшибло. Но на всякий случай надо быть осторожнее. Не хватало мне еще орд отморозков, бродящих по окрестностям. Как будто безумцев мало.

Пока я гонял в голове невеселые мысли, внимание привлекло мельтешение где-то на периферии зрения. Приглядевшись, я понял, что снова вижу свихнувшихся жителей села. Правда, на этот раз аборигены двигались в нашу сторону вполне целенаправленно. Шли на выстрелы? Вот же накаркал!

На секунду я задумался: готовы ли эти психи идти на любой шум или все-таки сохранили достаточно интеллекта, чтобы сложить два и два и понять, что где стреляют, там и свежие трупы? И только потом до меня дошло, что сюда вот-вот нагрянет толпа агрессивных и жаждущих моего мяса селян. А значит, оставаться на месте как минимум неразумно.

Я похватал с земли всю добычу с трупов и из машины, не забыв даже флягу с сивухой и мешочек, побросал все на переднее сиденье машины. Потратил пару секунд, чтобы рассмотреть автомат: с первого взгляда такая же «ксюха», как висит у меня на плече, но чем-то неуловимо отличалась. Не знаю, я оружием не особо интересовался, могу отличить «сто пятый» от обычного «огрызка», но большего от меня требовать бессмысленно. Не задрот. Ладно, черт с ним.

Повернулся к продавщице. Похоже, что она тоже сошла с ума, но, в отличие от своих односельчан, тяги к пожиранию сырого мяса пока не демонстрировала. Бедняжка, очевидно, не выдержала того, что с ней сделали ублюдки, вот и впала в ступор. В принципе, естественный механизм защиты, придет в себя и даже не вспомнит, что произошло. Правда, память будет прорываться наружу, беспокоить ее кошмарными снами и внезапными приступами страха...

Видел я уже один раз такое.

Но не бросать же ее, в самом деле?

Достав из внутреннего кармана куртки ксиву, я подошел к девушке, присел и силой убрал ее руки от лица. Помахал перед лицом документами, надеясь привлечь внимание. Она вздрогнула и отшатнулась.

Ну, хоть какая-то реакция. Я вздохнул и самым успокаивающим тоном, на который был способен, заговорил:

– Слушай, все закончилось уже. Я из милиции, тебя не обижу, только нам уезжать надо, причем быстро.

Девчонка вздрогнула и мелко затряслась. На испачканном косметикой круглом и достаточно симпатичном лице виднелись дорожки от слез. Кричала, наверное, но рот заткнули, вот и оставалось только беззвучно плакать.

– Идем, – снова сказал я. – Доедем до Суража, отвезу тебя в больницу, если она еще работает. Заявление, правда, писать смысла нет уже, думаю...

Реакции не было. Я повернулся и увидел, что со стороны села к нам движется целая толпа, от которой оторвались три или четыре подозрительно быстрых аборигена, до дрожи напоминающие того шустрого, что сожрал девку там, в деревне. От нас их отделяло около пары сотен метров, и намерения у психов были отнюдь не дружелюбными.

Я посмотрел на девчонку и понял, что если сейчас же не придумаю, как загнать ее в машину, то придется бросать. Рисковать собой ради абсолютно незнакомой мне бабы, хоть и спасенной мною же от грабителей, я не собирался.

Слегка размахнувшись, я влепил ей пощечину. Во взгляде на секунду мелькнуло что-то, похожее на боль и обиду, но тут же исчезло. Тогда, схватив продавщицу за руку, я потащил ее к «бобику».

Как ни странно, но пошла. Овца на заклатие, мать ее.

Машина была покрыта следами от пулевых попаданий, стекла крошились и осыпались. Дернув на себя ручку дверцы, я легким нажатием на запястье заставил девчонку забраться в «стакан». Закрыв ее там и поспешил за руль. Пусть там сидит, мало ли что у нее на уме. Вдруг тоже жрать захочет.

Когда двигатель схватился, до самых резвых из местных оставался едва ли с десятков метров. От страха я тронул машину слишком резко, с пробуксовкой, но «бобик» все-таки рванул с места и понесся по дороге, набирая скорость.

Психи угнаться за машиной не смогли и очень быстро отстали, но я даже не подумал сбросить скорость. «УАЗ» потряхивало на грунтовой дороге, двигатель, непривычный к таким нагрузкам, кричал и хрипел. Хоть бы не заглох. Сам я чувствовал себя не лучше, чем двигатель: сердце колотилось, в ушах свистел ветер – отморозок зацепил и окошко передней пассажирской двери.

Достав из кармана смартфон, я трясущимися руками открыл навигатор и в очередной раз за сегодняшний слишком длинный вечер выматерился. Если судить по расстоянию, на которое мы отъехали от сельского магазина, то уже должен был показаться въезд на трассу. Однако дорога тянулась вдаль чуть ли не до самого горизонта. Разве что стала заметно лучше, сменившись на двухполоску, хоть из потрескавшегося, но какого-никакого асфальта.

Которой здесь вообще быть не должно.

По карте было ясно видно – едешь триста метров прямо, потом выезжаешь на трассу. Потом разворачиваешься и едешь еще пять километров до города.

Только вместо этого мы оказались посреди какого-то садового сообщества, на длинной улице, по сторонам которой находились небольшие дома. Их на карте тоже не было.

Я даже потер лицо рукой в надежде, что от этого галлюцинации рассеются, мы сможем выехать на трассу и отправиться назад, в город. Но этого не произошло. Дома, сады и асфальтовая дорога исчезать никак не желали, более того, здешние жители тоже оказались из агрессивных психов, правда, их на улице было не так уж много, я заметил едва ли больше пяти человек.

Или лучше говорить «особей»?

Оставалось только ехать дальше, надеясь, что дорога выведет нас куда-нибудь в безопасное место. Правда, через полкилометра через сады-огороды мы оказались на еще более разбитой грунтовке, которая в придачу успела зарости травой. Здесь не было ничего – только увитая плющом трансформаторная будка да какой-то сарайчик с провалившейся крышей.

Чушь долбаная. Не было здесь этого ничего, не мог я так заблудиться!

Через какое-то время дорожное покрытие стало вполне приличным, и мы оказались в явно престижном поселке. Здесь были высокие заборы с металлическими воротами, почти все дома имели больше одного этажа, а вдалеке дорогу преграждал шлагбаум из металлической полосы.

В моей голове уже успела оформиться мысль, что калейдоскоп из разных участков местности и свихнувшиеся люди – одного поля ягоды. Только вот объяснения всему этому я найти не мог.

Похоже, придется останавливать машину и покидать уютный салон, чтобы открывать шлагбаум. А если там замок?

От этих мыслей меня отвлекла очнувшаяся продавщица.

– Кто ты? – спросила она. – Куда ты меня везешь?

– Все нормально, – ответил я, понимая, что сложившаяся ситуация, как никогда, далека от нормы. – Я старший оперуполномоченный Суражского РУВД, капитан милиции Оганезов. Можешь звать просто Стасом. Тебя как зовут?

– Людмила, – ответила девчонка и тут же спросила. – А почему я тут?

– Потому что я подобрал тебя на дороге. Как себя чувствуешь, Мила?

– Болит все. – В голосе послышалось страдание. Еще бы, у нее действительно должно болеть все тело. – Ничего не помню, – пробормотала она. – Я вроде была в магазине, где работаю. И потом...

– Я не знаю, – ответил я. – Когда нашел тебя, ты была без сознания. Решил отвезти в ЦРБ.

Я плел эту ерунду, а сам прикидывал, как половчее провести операцию с открытием шлагбаума. Главной проблемой в этой затее был псих в ватнике, который стоял с противоположной стороны и тупо смотрел в нашу сторону. Может быть, его ослепили фары дальнего света?

– А что это у тебя тут? – спросила девушка.

– Не открывай! – крикнул я, но не успел.

Увидев труп сержанта с дыркой в башке, девчонка истошно заверещала. Я поморщился, для полного счастья мне не хватало только орущей, как сирена гражданской обороны, бабы. К тому же, если психи наводились на выстрелы, почему бы им не пойти и на крик?

Но секунду спустя мне стало не до этого.

Слетевшие с катушек аборигены пугали, но, несомненно, были людьми. А вот перемахнувший через кирпичный забор монстр явно к таким не относился. В глаза бросились огромный рост и гипертрофированная мускулатура. На теле твари не было ни единого клочка одежды.

Тварь бросилась вперед и без труда догнала «УАЗ», прыгнула, уцепившись за крышу, рванула дверь и, к моему удивлению, оторвала ее к чертям собачьим, вскрыв «стакан», будто консервную банку. В зеркале заднего вида что-то мелькнуло, и Мила подавилась криком. Я обернулся и вздрогнул: монстр вскрыв девчонку от паха и до горла одним движением, будто заправский мясник. Только вместо ножа у него были огромные когти.

Я снова почувствовал себя героем ужастика. Судорога ужаса заставила меня утопить педаль газа в пол, «уазик» рванулся вперед и снес к черту металлическую полосу шлагбаума. Меня тряхнуло и бросило на руль, тварь вылетела из кузова, утянув за собой труп продавщицы.

Выругавшись, я кое-как поймал руль, выровнял машину, переключил передачу и рванул вперед, надеясь, что дорога выведет меня из этого ада.

Схватившись за пряжку ремня безопасности, я пристегнулся. Мотор работал на предельных оборотах, машину болтало из стороны в сторону, стрелка спидометра показывала страшную цифру в сто двадцать километров в час.

Над крышей что-то заскрежетало, а еще через секунду сквозь металл кузова прошли острые, как бритва, когти. Не знаю, та же это была тварь или я не заметил, как вторая запрыгнула на крышу, но что-то будто ударило меня под дых, заставив утопить педаль тормоза.

Машина резко клюнула носом, развернулась в неконтролируемом заносе и даже качнулась, становясь на два колеса. Монстр рухнул на лобовое стекло, продавив его своим весом, ска-

тился на капот, а потом и на асфальт. Брызнула кровь, когти так и остались торчать в обшивке салона, отделившись от пальцев.

Ремень больно впился в грудь, в глазах потемнело от боли, мотор заглох. Схватив с пассажирского сиденья «ксюху», я вскинул ее, и прямо сквозь покрытое трещинами лобовое стекло стал палить по монстру длинными очередями.

Не выдержав такого надругательства, стекло посыпалось на приборную панель. Боек сухо щелкнул: я забыл перезарядить автомат после схватки с грабителями. То, что я попал, было фактом, но нанесли ли пули какой-то вред страшной твари, я так и не понял. Отбросив в сторону ставшее бесполезным оружие, я вновь повернул ключ в замке зажигания.

Мотор, к моему удивлению, схватился моментально, я тронул машину с места, газанул и вывернул руль, объезжая валяющегося на асфальте монстра.

Что-то хлопнуло под днищем машины, я почувствовал, как верх и низ меняются местами, а потом в голове сверкнула ослепительная вспышка, и мир погас.

Глава 3

Если бы еще некоторое время назад меня спросили, каким было мое худшее пробуждение, я бы затруднился ответить. Сейчас – точно знаю. Без понятия, правда, можно ли сравнивать потерю сознания со сном, но, думаю, это непринципиально. В общем, очнулся я от того, что мне пытались откусить руку.

Открыв глаза, я понял, что мне это не пригрезилось. Сквозь разноцветные круги перед глазами я увидел спятившего аборигена, который сосредоточенно жевал мою кисть. Дьявол, как же я ошибался всего несколько часов назад насчет местных жителей! Тех, которые нормальные в смысле. Которые всего лишь валили друг друга вилами да топорами за бутылку «чемера». Милейшие люди, особенно по сравнению с тварями, в которых они превратились, спятив.

Я резко отдернул руку, пытаюсь вырвать ее из пасти долбаного зомби. Не знаю, можно ли назвать эту тварь зомби – мертвой она не выглядела и даже вроде как дышала. Тяжело-тяжело, хрипло, будто человек, умирающий от отека легких на больничной койке, но втягивала в себя воздух. Но если уж принялся сравнивать происходящее с голливудским фильмом ужасов, нужно выдерживать терминологию. Даже когда тебя пытаются сожрать.

Вырвать руку не получилось, хватка у недозомбака была как у бультерьера, и своим движением я только втащил его в машину. Осознав, что так руку мне не сберечь, я кое-как достал свободной правой пистолет из кобуры, прижал его к голове монстра и надавил на спусковой крючок.

В кабине «УАЗа» выстрел прозвучал громко, ударил по ушам и вызвал новую волну тошноты. Перед глазами и без того стояла пелена, а еще я только сейчас понял, что вишу вверх ногами, удерживаемый на месте застопорившимся ремнем безопасности.

Схватившись за пряжку, я с трудом выщелкнул ее из замка и свалился вниз, ударившись головой о потолок кабины перевернутого «бобика». Все, отъездил свое, родимый, мир его металлическому праху. К нему я тоже относился хуже, чем стоило. Если бы не он – я так в деревне и остался бы и обезумевшие местные мой костяк бы уже по дворам растащили. Хотя еще неизвестно, что хуже.

Сломанные когти монстра, которого я расстрелял перед тем, как опрокинуть машину в овраг, до сих пор торчали из потолка. Я зачем-то поковырял их, сильно впечатлился и, поняв, что выдернуть их из металла не могу при всем желании, бросил это бесполезное занятие.

Оглядевшись и с удивлением обнаружив автомобильную аптечку на положенном месте, я выдернул ее с крепления, раскрыл и принялся оказывать себе первую помощь. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Особенно в такой ситуации.

Стащил куртку и первым делом затянул на плече жгут. Вытащив бутылку с перекисью водорода, я щедро залил ею рану и рассмотрел следы человеческих зубов. Мысль, которая пришла следом, заставила меня похолодеть от ужаса. Следуя все той же голливудской логике, я теперь тоже в такого же превращусь, что ли?

На секунду я подумал, что нужно срочно отрубить себе руку, но потом понял, что делать это поздно, нечем и не особо хочется, если честно. В конце концов, подавляющее большинство киношных зомби были созданиями, противоречащими здравому смыслу и, что гораздо важнее – биологии, а значит, копировать поступки героев фильмов как минимум глупо. В конце концов, если уж я превращусь в такую тварь, подозреваю, что мне будет уже все равно. А вот эти вот метания в стиле «не хочу ходить по миру безмозглой тварью» – штамп, надоевший еще все в том же кино. Тьфу, что я на ужасиках этих зациклился? Тут события покруче любого фильма Ромера, а я все о ерунде какой-то думаю. Соберись, капитан!

Звон в ушах после выстрела наконец затих, слух вернулся, и я понял, что слышу из «стакана» знакомые звуки. Я пригляделся и похолодел: двое приковылявших из окрестностей безумцев каким-то образом учуяли добычу, разорвали брезент и жрали теперь тело бедного сержанта. Нужно валить отсюда, пока на меня внимания не обратили. Боец из меня сейчас никакой.

Но мысли все равно сбились на лирику. Я не мог понять, как так? Ведь куча народа... М-м-м... Скажем, «обратилась», а я нет. Может быть, у меня иммунитет к этой дряни, как и у тех отморожков-грабителей, и у продавщицы из «Клевого»? А ведь, похоже, ублюдки что-то знали. Почему я не догадался допросить Кастета, прежде чем пристрелить? Попинал бы по ране, а потом предложил дать обезболивающего, которого у меня все равно нет...

Пока в голове бились совершенно ненужные сейчас мысли, руки продолжали на автомате делать свою работу. Ну, точнее, одна рука. Рана была страшной, рваной, и перевязываться одной рукой было крайне неудобно, но я старался компенсировать аккуратность количеством витков бинта, и вышло не так уж и плохо. Надорвал бинт, используя зубы, сделал аккуратный узел. Поморщился, покосившись на занятых трапезой безумцев, достал из аптечки блистер с болеутоляющим и закинул одну таблетку себе в рот. Навряд ли получится снять боль, так хоть унять бы немного. Кастету точно такое лекарство не помогло бы.

Только сейчас я понял, как сильно хочу пить. Пересохшая глотка отказывалась принимать таблетку, рот мгновенно наполнился горечью, да и чувствовал я себя отвратительно. Только вот всю воду я израсходовал на заметание следов, из жидкости у меня имелась лишь бурда во фляге, найденной в машине грабителей. Однако алкоголь не только не утолит мою жажду, но и таблетки им запивать никак нельзя.

И опять же, вот кто мешал прихватить из сельского магазина пару бутылок минералки? Хотя мешали, да. Подступающие уроды. Лучше потерпеть жажду, чем оказаться разорванным «пустышами», как их назвал Кастет. Интересно, почему «пустыши»? Потому что пустоголовые? Или из-за пустого, пугающего взгляда? Хотя нет, скорее пустоголовые. Навряд ли Кастет был способен на такие метафоры.

Сделав над собой волевое усилие, я проглотил таблетку, перевернулся на четвереньки и выполз из салона «бобика». Огляделся вокруг и понял, что в плохой видимости виновата не только пелена перед глазами, ночь окончательно вступила в свои права.

Нужно было скорее разобраться с тварями – пока они не решили разобраться со мной. Я двинулся к задней части кузова, поморщился, посмотрев на оторванную вместе с петлями дверцу. Это же какой силой обладала тварь, если оказалась способна на такое? И смог ли я убить ее, высадив целый магазин из «ксюхи»?

– Жрете? – вполголоса спросил я у продолжавших рвать мясо сержанта психов. – Ну-ну.

Я прицелился в голову ближайшему и спустил курок. Тут же перевел ствол на второго, выжал спуск еще дважды, а потом и в третий раз. В голову попал только третьей пулей, видимо, руки тряслись от жажды и усталости, да и башкой приложиться я успел порядочно. Ну и ситуация не рядовая, не тир в управе, как бы ни пытался я храбриться.

Теперь нужно было выбираться из оврага и уходить куда подальше. То, что твари тянулись на выстрелы, я успел осознать целиком и полностью. Только вот куда идти?

Найти безопасный и крепкий дом, запереться внутри, поесть и поспать? Посидеть внутри пару дней, пока не перестанут беспокоить последствия сотрясения, которое я, судя по симптомам, заполучил, а уже потом искать людей и выяснять, куда я попал? Похоже на план. Глядишь, может, кто-то появится, военные там или спасатели. Чем бы ни было происходящее, но такой масштаб не заметить сложно, рано или поздно кто-то должен начать чесаться и искать выживших. Если я, опять же, не в карантинной зоне. Тогда возможны разные варианты.

От мыслей отвлек еще один мертвец, появившийся в поле зрения. Он умудрился запутаться в своих двух конечностях и кубарем скатиться со склона оврага, чем порядочно меня

напугал. От страха я всадил в него все оставшиеся в магазине пули и даже разок всухую шелкнул бойком. Блин. Вот урод! Да и я хорош.

Кстати, что-то схожее с ромеровскими зомби в этих тварях все же есть. Пока я стрелял по корпусу, тварь упорно пыталась встать и перейти в атаку, но стоило лишь попасть в голову, как она рухнула на землю, будто стержень из нее вытащили. Надо учесть. Потому что по корпусу лупить с таким расходом боеприпасов – я так в два счета без оружия останусь.

Вернувшись к пассажирской двери, я принялся собирать всю оставшуюся добычу. Подобрал свою многострадальную куртку, расстелил на земле, сложил в нее запасные магазины к автомату, снятому с Кастета. Подумал и проверил, подходят ли они к «ксюхе» моего сержанта и окончательно удостоверился, что имею дело с какой-то из модификаций на базе стандартного «укорота». Магазины подходили, хотя мое оружие несколько отличалось. Румынский какой-то «калаш», что ли?

Но автомат бандита я решил оставить в салоне. Мало ли, вдруг кто узнает и у него возникнут вопросы, куда делся хозяин пушки. Подумав секунду, я решил забрать флягу и мешок с непонятными шариками, после чего свернул куртку, перевязал рукава, превратив предмет одежды в сверток. Странно. Кажется, впервые в жизни я не сокрушался из-за порчи дорогой вещи. Сменились приоритеты, однако, смотри. Усмехнувшись сквозь боль, я проверил, не вываливается ли что-нибудь, убедился, что все нормально, и надел импровизированную сумку. Увидел, что на земле валяется мой смартфон, наклонился за ним и удивился – экран остался цел. Надо же! А урони я его со стола, скажем, – разбился бы гарантированно. Чудеса, да и только.

И только проделав все эти действия, я понял, что надо сменить магазин в пистолете. Запасной у меня оставался всего один, я вставил его в «ПММ», не забыв упрятать пустой в карман брюк. Мало ли, пригодится. Закинул ремень «ксюхи» на шею и принялся выбираться из оврага.

Глина оказалась сырой, скользкой, а земля у самого верха начинала осыпаться, попадая в туфли и заставляя спускаться вниз. Пришлось трижды искать новое место для подъема, прежде чем удалось выбрать относительно удачное. Правда, и в этот раз триумфального восхождения не вышло, под самый конец я споткнулся и только чудом не повторил путь только что застреленного безумца.

Осознав, что так дело не пойдет, я решил двигаться вдоль склонов оврага в надежде, что в дальнейшем они станут чуть менее крутыми. Сказано – сделано, и я двинулся параллельно руслу протекающего по дну ручья. На секунду мелькнула мысль напиться из него, но наклонившись и зачерпнув горсть водички, я уловил резкий запах бензина и тут же передумал. Похоже, что бак «УАЗа» оказался пробит и топливо вылилось в воду.

Напиться бензина и умереть в муках мне не улыбалось, поэтому я вытер руки о заднюю часть брюк и зашагал в сторону, куда смотрела морда «бобика», прикинув, что так меньше шансов встретиться с разделавшимся с продавщицей монстром.

* * *

Километра через три овраг внезапно превратился в балку. Выглядело это странно: суглинистые склоны резко становились менее крутыми и покрывались травой и кустарниками. При чем росла зелень по строго прямой линии, будто кто-то очертил ею границу невидимым карандашом.

Впрочем, я уже успел немного привыкнуть к выкрутасам пространства, вспоминалось, как грунтовка превращалась в асфальтовую, а та переходила в дорогу из щебенки. Корни травы укрепили почву, грунт больше не осыпался под ногами, поэтому я без всяких проблем выбрался из чертовой западни и оказался на ровной и хорошей асфальтовой дороге.

Проблемы были другого рода. Пить хотелось безумно, язык разбух и, казалось, не помещался во рту, а пыльный воздух сушил глотку и глаза, но я продолжал упрямо гнать мысль о том, чтобы напиться из ручья. Если бы встретил родник, конечно, напился бы, не задумываясь, а употреблять воду, которая течет через хрен знает какие места, собирая в себя все возможное, не хотелось. Я не юный натуралист, но даже мне понятно, что употреблять такую воду не стоит.

Жгут я к тому времени снял, убедившись, что кровь не пропитывает повязку. Хотелось снять бинты и посмотреть, что там, но я решил подождать с этим, рано еще. Да страшно-вато было, если честно: вдруг увижу, что превращаюсь в такого же зомби. Чувствовал я себя так, будто действительно готовлюсь сменить сторону и пополнить ряды бродящих по поселкам безумцев.

Я медленно побрел по дороге, надеясь добраться до ближайшего населенного пункта. Об укрытии уже не думал, все мысли были только о воде. Если не колодец найти, то хотя бы пару баллонов на кухне какого-нибудь из домов... Почему-то вспомнилась река неподалеку от Суража, куда мы один раз выехали купаться с парой наименее противных мне парней из управы да тремя девочками – знакомыми одного из них. Мысли перескочили на Ниагарский водопад, а потом почему-то на фильм о «Великой тайне воды».

Говорят, что без воды человек может прожить трое суток. В лабораторных условиях, при идеальной температуре и влажности, конечно, подольше, дней пять, и вроде я не пил всего несколько часов, но не мог думать ни о чем, кроме живительной влаги.

Еще донимала головная боль. Стоило резко повернуть голову, как мир начинал вращаться вокруг своей оси, будто я перекатался на каруселях. Видимо, удар о руль оказался сильнее, чем я думал. Да и в целом падение в кювет не могло пройти бесследно.

Плюнув на все, я остановился и уселся на обочину. Снял с себя сверток из куртки, извлек из него трофейную флягу, отвинтил крышку и сделал глоток. Жидкость оказалась премемерзкой, основой явно служила водка, да еще и теплая, но ведь и в ней содержится шестьдесят процентов воды, верно?

Проглоченное сразу же запросилось наружу, но я усилием воли унял разбушевавшийся желудок. Как ни странно, но это помогло, в животе резко потеплело, и мне захотелось выпить еще.

В этот раз я приложился к фляге от души, сделав пять или шесть больших глотков, высосал примерно половину от того, что было в емкости. С сожалением оторвался от напитка, завинтил фляжку. Пойло больше не казалось противным, шло легко, будто рвотный рефлекс отключился.

Посидел с полминуты, не понимая, в чем соль. Жажда исчезла, будто ее не было, легкий ветерок приносил прохладу, и даже головная боль отступила. И, что немаловажно, не имелось ни малейшего признака опьянения. Будто не шмурдяка какого-то наглогался, а хорошей минеральной воды выпил.

Просто амброзия какая-то, нектар, а не алкоголь. Надо бы выяснить, что это за коктейль, может быть, рецепт разузнать. Правда, сварганить бы его на чем-нибудь менее противном, чем водяра, я дорожую-то не особо люблю, а тут настоящая сивуха.

Не без сожаления упрятав флягу обратно в импровизированную котомку, я поднялся и двинулся дальше. Дорога хорошая, ровная, по такой бы ездить и ездить, только вот не на чем. Остается только тащиться на своих двоих, мерно перебирая ногами. Правда и сил прибавилось, если в овраге я думал, что вот-вот свалюсь, то сейчас шлось легко.

Даже захотелось песню какую-нибудь затянуть на манер маршевой, хоть раньше за мной таких пристрастий и не наблюдалось. Во дела!

Помимо покрытия, необычайного для средней полосы России качества, в дороге удивляли еще дорожные знаки. Каждый из них почему-то дублировался, причем располагались они едва ли в метре друг от друга, смотрели в одну сторону и не имели вообще никаких отличий.

За час движения я не встретил ни одного поселения. С одной стороны, от дороги, насколько хватало зрения, было видно поле, с другой – тянулась та самая балка, из которой я выбрался. Примерно через километр она закончилась, зато в поле зрения появились станки-качалки, сейчас неподвижные.

Ну, если здесь добывали нефть, то понятно, откуда деньги на хороший асфальт и двойной комплект дорожных знаков. Хотя деньги с добычи наверняка и уходят в столицу региона, а потом дальше, в Москву, что-то все равно к рукам прилипает. Хотя сакральный смысл дублирования знаков был мне все равно непонятен.

А потом лафа закончилась. Хороший асфальт будто обрезали, а дорога превратилась в техническую, из разбитых колесами грузовиков бетонных плит, стыки между которыми были кое-как засыпаны песком. И я был готов поставить все свое небогатое имущество на то, что не могли эти дороги раньше прилегать друг к другу.

И не только потому, что асфальтовая была хорошей четырехполосной трассой, а на «техничке» едва ли смогли разъехаться хотя бы две машины. Дело в том, что с этой стороны от невидимой границы находилось поле, пшеница на котором гнулась к земле под весом колосьев, которые уже пора было убирать, а с другой стороны раскинулся лес, деревья в котором уже успели пожелтеть и лишиться изрядной части крон.

Как такое возможно, я придумать не мог, потому просто двинулся дальше и уже через полсотни метров попал на развилку. Указательного камня с надписью не нашлось, да и былинный богатырь из меня был никакой, поэтому я свернул направо и решил, что впредь буду каждый раз выбирать правую сторону. Если считать повороты и запоминать ориентиры, то дорогу назад я найду всегда.

Правда, не успел я пройти по выбранному пути и полукилометра, как понял, что придется разворачиваться. Лес неожиданно расступился, а дорога стала спускаться вниз, в карьер гигантского размера. Похоже, что когда-то здесь добывали камень, который и возили по этой самой технической дороге.

На дне карьера разлилось небольших размеров озерцо, где-то рядом ржавели дробилки, молотилки и прочие сеновязалки. Делать там мне было нечего, ни еды, ни воды быть не могло, а купаться в озере я желанием не горел.

Пришлось развернуться, дошагать до развилки и пойти в левую сторону. Пока шел, успел проклясть все на свете, и в первую очередь – свое пижонство. Ну не подходят дорогие туфли для таких маршрутов, мне бы кроссовки трекинговые или вообще «берцы» импортные, тогда можно было б идти и не жаловаться. А в моих хорошо вышагивать по бульвару где-нибудь в центре города с девчонкой модельной внешности под ручку.

В общем, хочешь не хочешь, но, если появится адекватная альтернатива, придется менять. Правда, пока что случаев расстаться с туфлями не подвернулось, вот и пришлось идти, периодически спотыкаясь о края плит да торчащие из них скобы. Хреновый это материал для дороги, хуже разве что брусчатка из таких круглых камней. Вот уж где совсем ад, ни в какой обуви по такой нормально не пройти, уже метров через пятьдесят ноги начинают ныть, а через сто появляется непреодолимое желание уйти с дороги и больше никогда на нее не возвращаться.

Оставалось только надеяться, что дорога не превратится во что-нибудь еще более необходимое. Впрочем, долго по ней идти не пришлось, еще минут через двадцать «техничка» сменилась заросшей грунтовкой. Но, похоже, машины здесь все-таки ездили. Иногда.

Появились дома, но даже в полной темноте было понятно, что в качестве убежищ эти руины не годятся. Пара строений выглядела даже получше, чем в селе, где началось мое путешествие, но было очевидно, что даже заходить в такие дома опасно, если не хочешь проснуться из-за того, что оказался придавлен к полу парой балок.

А я на сегодня свой лимит кошмарных пробуждений уже выбрал.

На участках все заросло зеленью, кусты представляли собой сплошную живую изгородь, а кое-где было видно деревья такой высоты, что и за два десятка лет не вырастут. Появилось ощущение, будто случайно угодил в Зону Отчуждения, которая в Брянской области имелась. Только в совсем другой ее части, ближе к Украине: Новозыбковский район, Красногорский.

Кстати, поэтому мне мама первым делом, как только узнала, куда еду, сказала, чтобы я не покупал с рук грибы, ягоды и картошку. Впрочем, у меня и в мыслях этого не было, все продукты я покупал в супермаркетах, да и готовил редко, предпочитая есть в различных кафе. От мыслей о «нормальной» жизни, еще недавно казавшейся мне унылой и невыносимой, настроение испортилось еще сильнее.

Немного пройдя по грунтовке, я понял, что дорога из плит была не так уж и плоха. Да, стыки, скобы, но там хотя бы не было дурацкой травы, через которую приходится продираться. Я шел там, где она была примята проезжавшей машиной, но все равно, идти было некомфортно.

Эта пытка продлилась еще примерно на протяжении полутора километров. Когда из темноты возникли очертания городских кварталов с типичными панельными пятиэтажками, я аж воспрял духом. Только вот оттуда вновь потянуло уже знакомым противным запахом кислятины.

Я прошел чуть дальше, до того места, где заросшая грунтовка переходила в асфальтовую дорогу, нормального для России качества – то есть ямы имелись, но большая часть была заделана уродливыми заплатками. Остановился на границе, которую очерчивал уже знакомый туман.

В городе есть дома, там можно и еды найти – консервов каких-нибудь и бинтов на перевязку. А еще можно подыскать подходящую квартирку, запереться внутри и заняться нормальным лечением своих ран. А потом уже, отыскав какой-нибудь транспорт, двигаться дальше, до обжитых мест. В том, что рано или поздно такие попадутся, я не сомневался, тем более с местными уже успел познакомиться, хоть и не понравились они мне. В то, что город населен и обитаем, я не верил: часть домов выглядела так, будто их перенесли сюда напрямую из Припяти. Странно, о заброшенных городах в Брянской области я не слышал. Доберусь до цивилизации – погуглю и обязательно посмотрю, где скитался. Если доберусь. Почему-то мой привычный оптимизм сейчас давал серьезные сбои.

В общем, нужно было идти дальше. Я попытался сделать шаг вперед – и не смог. Ноги будто приросли к земле, я даже посмотрел на них, чтобы убедиться, что мои ступни не увиты стеблями внезапно ставшей разумной травы – я бы уже ничему не удивился, если честно. Но все было в порядке. Чушь какая-то.

Попытался сделать еще шаг – бесполезно. Попробовал двинуться влево, и без всяких проблем сделал несколько приставных шагов.

Что-то не так. На самом деле «не так» абсолютно все, но эта ситуация была еще более странной, чем все увиденное и прочувствованное мною за сегодня. Может быть, поэтому я решил отойти в сторону и посмотреть, что будет дальше.

Выбрал примерное направление и двинулся в сторону небольшой посадки, раскинувшейся справа от дороги. Там можно будет укрыться, а в крайнем случае – забраться на дерево. Мало ли, что может произойти. Психи не производят впечатления ловких парней, забраться на дерево им будет трудновато. Правда, это психи. А ведь есть еще непонятные твари вроде той, что прыгнула на крышу «бобика». Но думать о таких сейчас совсем не хотелось. И без того страшно.

Не успел я отойти от дороги и на десяток метров, как вдалеке послышался звук мотора. Доносился он с той стороны, с которой я пришел. В первый момент сердце аж удар пропустило. Люди! Нормальные люди, черт побери! Неужели я отсюда выберусь? Однако уже через секунду энтузиазм сошел на нет – я вспомнил Кастета с безымянным товарищем, и настроение стре-

нительно испортилось. Нет уж, не буду дураком, понаблюдаю. Увижу хотя бы, что за тачка и что в ней за люди. Не та это местность, чтоб с распростертыми объятиями кидаться на первую попавшуюся машину. Звук нарастал, и я быстро двинулся в сторону посадки. Идти по высокой траве было сложно, а за спиной оставался отчетливый след, но я надеялся, что его не заметят в темноте.

Похоже, что шел я недостаточно быстро и машина появилась в поле зрения раньше, чем я успел скрыться с виду. Пришлось ускориться еще сильнее и перейти на бег.

Достигнув цели, я забежал за первое же дерево достаточного диаметра, прижался к нему и приготовился наблюдать. Посмотрим, что будет дальше.

Глава 4

Машина поравнялась со мной и остановилась, не доехав до начала асфальта с десятков метров. Через несколько секунд водитель заглушил двигатель, потом открылась водительская дверь, и из нее на землю вылетел окурок.

Только теперь я смог толком рассмотреть тачку. «УАЗ Хантер», только явно тюнингованный: с огромным бампером, решеткой поверх радиатора и окнами, прикрытыми металлической сеткой. Зверь-машина получилась, «бобику», который я разбил парой часов раньше, никогда с такой не тягаться. Прямо как из «Безумного Макса» отечественного разлива.

Приглядевшись внимательнее, я понял, что это переделка милицейской машины. Странный выбор. Видимо, в этой модели хозяев тачки заинтересовал именно «стакан». Ну, или под рукой не оказалось другого автомобиля.

– Фитиль, ты совсем придурок? – послышался из машины злобный голос. – Тут же травы полно, вспыхнет и выгорит весь тройник.

– Да чего ты кипишишь, нормально все же. До сих пор ни разу ничего не загоралось.

– Когда загорится, поздно будет. Больше не делай так. Пепельница есть, туда и бычкуй.

– Хорошо, как скажешь. Ты тут бугор.

Так, кажется, появляется ясность. Становится понятно, откуда милицейская тачка. Судя по всему, предположив побег из зоны, я был прав. Что-то произошло, и контингент разбежался, экспроприировав милицейское имущество. Страшно представить, что произошло при этом с моими коллегами. Черт, ну где же военные? Неужели никто ничего не предпринимает?

Пару секунд спустя послышался звук работы еще одного двигателя, гораздо более тихого, чем движок «Хантера». Деревья закрывали мне обзор, а особо высовываться я не рисковал, опасался оказаться замеченным. У меня, конечно, на лице не написано, что я мент, но опытный сиделец вычислит меня в два счета. Нюх у них на нашего брата. А принимать страшную смерть мне совсем не хочется. Я бы пожил еще, потрепыхался.

На дороге появилась вторая машина, доехала до «Хантера» и припарковалась позади него. Что характерно – обе машины ехали без фар и даже габаритов. Скрываются ребята, не хотят привлекать к себе внимание. Нужно признать, что ночь была светлой, хотя луны я не наблюдал. Обе машины было хорошо видно на фоне неба.

Второй тачкой была небольшая «Газель», тоже модифицированная, хоть и не так круто, как «УАЗ». Стекол в салоне нет, проемы прикрыты не просто сеточкой, а настоящими сварными решетками. То, что я мог разглядеть прутья даже с такого расстояния и в темноте, означало только одно – они были как минимум с палец толщиной. А еще на двери висел массивный замок. Снаружи. Что наводило на разные мысли.

– Эх, глотка пересохла. Да и мандраж какой-то. Бухнуть бы сейчас... – послышался из передней машины уже знакомый голос.

– Какой «бухнуть», Фитиль? Ты че, совсем берега попутал? Не новичок же! Не пьем на таких делах. Сейчас кластер грузанется, соберем все, что нужно, сдадим внешникам, и тогда, на базе, хоть залейся. Мне еще бухого напарника не хватало!

– Да знаю я, помечтать нельзя, что ли.

– Можно, только не вслух. Напрягаешь. Передай лучше флягу, живца хлебну.

– Держи.

– Ништяк.

Вновь наступила тишина. Люди в машине, очевидно, чего-то ждали. Загрузки кластера? Черт, эти парни не похожи на айтишников, откуда такой сленг? Вообще, помимо привычного блатного жаргона я сейчас слышал много слов, имеющих в виду явно не свои привычные значения. Кластер, внешники, тройник... Внешники здесь явно не спецы из службы внешней

разведки. Товар... Какой товар собираются перевозить бандосы, я примерно мог представить, глядя на «Газель», явно предназначенную для перевозки людей без их на то желания. Рабы? Черт возьми, но мы же не на Северном Кавказе в девяностые годы двадцатого века!

В общем, я решил, что не хочу знакомиться с этими людьми. Кажется, эти парни даже похуже грабителей, которых я завалил у сельского магазина, как мне сейчас казалось, целую вечность назад.

Я обернулся, удостоверившись, что пути отхода чисты, пригнулся и спиной двинулся в глубь посадки. Нужно было как можно скорее укрыться за густыми папоротниковыми зарослями, а уже потом уходить дальше.

Под ногами что-то сухо лязгнуло, и я невольно завопил от дикой боли. По левой голени будто прутлом арматурным ударили, дернув назад. Я рванулся, пытаюсь убежать, но что-то удержало меня на месте. От резкого движения тело потеряло опору, и я рухнул лицом вниз, в кучу прелой листвы.

От резкой боли меня затошнило, голова закружилась, и я понял, что сейчас потеряю сознание. Я сглотнул и сделал глубокий вдох, пытаюсь не выпустить из глотки очередной дикий крик. Собравшись с силами, я посмотрел на ногу, и снова чуть не потерял сознание.

Ровно посреди голени левую ногу сжимал огромный капкан. Наверное, такие ставят на медведей или лосей. Сжав зубы, я подался вперед и ухватился за челюсти ловушки, попытавшись разжать их, но пружина оказалась слишком тугой. Обессиленный, я откинулся на спину. Ну, все. Отбегался.

Кусты шелхнулись. Я сфокусировал плывущий взгляд и увидел перед собой мужчину в костюме-горке, разгрузочном жилете и с автоматом в руках. Нацеленное мне в лоб дуло казалось неестественно широким. Психологический эффект, знаю, но было острое ощущение, что из глубины ствола на меня смотрит сама смерть. Про собственную «ксюху» на шее и пистолет в кобуре вообще забыл, да и проку мне с них? Даже если каким-то чудом завалю этого, его товарищи, которые уже ломятся сквозь кусты, тут же поквитаются за него.

Даже если произойдет невозможное и вся банда неожиданно упадет замертво, куда я денусь с раздробленной ногой? И так сознание почти теряю от боли. Эти, может, хоть помощь первую окажут. Не зря же они так торопятся. Вот только непонятно, как тот, что держал меня на прицеле, умудрился за пару секунд переместиться от дороги. Там даже бежать секунд десять-пятнадцать, и это сразу надо сориентироваться, стартовать в нужную сторону... Может, я все же потерял сознание?

Из-за деревьев вышли двое: толстый парень в кожаной куртке, трениках и белых «эйр-максах» и сухощавый мужчина, внешне – лет под сорок, одетый в военную форму старого образца, еще с камуфляжем «березка» и с усиками-щеточкой. «Спортсмен» держал в руках петлю вроде той, которыми отлавливают собак.

Надежды на спасение улетучились после первой же произнесенной фразы:

– Смотри, Бугор, кластер еще не грузанулся, а добыча уже в капкане есть. И иммунный, ствол даже добыть успел. Видимо, не тупой совсем, – проговорил мордатый и захохотал так, что, наверное, было слышно даже в карьере.

– Интересно, – задумчиво проговорил второй, присмотрелся ко мне внимательнее и проговорил: – Ну и что за птичка угодила в наши силки?

– Я заражен, – ответил я, поднимая руку, перемотанную бинтом. – Заражен. Меня укусили.

– И что? – усмехнулся здоровяк. – Хоть бы тебе и хер откусили, если от кровотечения не сдохнешь, то новый вырастет, такой же, как прежний. Ты ж иммунный, знай себе пей живец и мясо жри, и все заживет.

– Теперь уже не думаю, – впервые подал голос тот, что был одет в горку, и меня аж передернуло от того, насколько он был скрипучий.

– Слышь, надо ему жгут наложить на ногу, а то ведь сдохнет, не довезем до фермы. – Похоже, что толстяк был самым болтливым в команде. Он подошел ко мне, сорвал с шеи ремень с автоматом, усмехнулся и забросил себе за спину. – Слышь, пистолет давай сюда.

Пришлось вытащить из кобуры «ПММ» и передать жиробасу. Тот довольно усмехнулся и засунул ствол себе за пояс. Чтобы ему яйца отстрелило.

– Короче, не дергайся, – проговорил он, вынимая из кармана толстую резиновую ленту. Затянул ее посреди бедра, посмотрел ниже и убедился, что кровь больше не течет. Поднялся, полюбовался плодами своих трудов и заметил у меня за спиной сверток. – Слышь, чего у тебя там? Сюда давай.

Морщась от боли, я стащил со спины сверток и отдал жирному. Тот принялся разворачивать его, а мужик в горке, которого я уже успел прозвать про себя «жутким», наклонился и стал что-то колдовать с капканом.

– О, ништяк курточка, – проговорил здоровяк. – Ни хрена себе, Бугор. Это че, не свежак? Тут, смотри, мешок со спорами и фляга. – Он отвинтил крышку, понюхал и тут же приложился. – Слышь, Бугор, живец. Причем нормальный такой, не тот, что Профессор гонит.

– Зовут тебя как? – спросил Жуткий, который, похоже, был главным в этой тройке.

– Стас, – успел ответить я.

Что-то щелкнуло, ногу освободили от капкана, но облегчения это не принесло. Скорее напротив – я вновь завопил от боли. Опустил взгляд и сквозь слезы, невольно выступившие на глазах, увидел, что моя многострадальная конечность неестественно выгнута, а из ран торчат осколки костей.

И тут же один из них, я не успел увидеть, кто именно, врезал мне по ноге, и вся боль, испытанная до этого момента, показалась мне невинной шуткой.

– Слышь, Станислав, мы тебя сейчас тут в Станиславу переделаем. Под свежака закосить решил? Спалился уже, так что говори, кто тебя сюда прислал.

Меня ударили еще, на этот раз в живот. Казалось, что внутренности сейчас вывалятся через рот, но, как ни странно, эта боль привела меня в чувство. Зрение снова заработало как надо, и я увидел, что бил меня сухощавый. Здоровяк был занят тем, что пытался натянуть на себя куртку, хоть с его габаритами и было наивно рассчитывать на успех. А Жуткий возился с капканом.

– Никто меня не слал никуда, я просто ищу, где укрыться, – просипел я. – Сбежать попытался, вот и не вышло.

– Да? Еще б не вышло, тут весь лес в наших волчьих ямах и капканах, – усмехнулся главный. – А волына у тебя откуда, на улице нашел? А живец и спораны, наверное, подбросили?

– Слышь, Бугор, тут ксива, – сказал жиробас, запустив в карман руку. Вынул корочку с гербом, раскрыл и чуть не заорал: – Да он из мусоров, прикинь!

– Дай сюда, – ответил главный, заглянул в документы. – Ты смотри! Суражское РУВД. Чего, в натуре мусор? И имя настоящее назвал – Станислав. Ты кто такой вообще? Реально свежак? Откуда тогда спораны и живец? Отвечай!

– Да, мля, мент! И это очень хреново для тебя! Ты хоть представляешь, что с тобой будет, когда наши узнают? Да тебя на собственных кишках удавят, мудила, – не выдержав, зарычал я. – Тебя даже судить не будут, из-за мук совести сам в камере повесишься.

Я ожидал любой реакции. Что меня начнут избивать, что застрелят на месте – и где-то в глубине души даже надеялся на такой исход. Но то, что произошло, не лезло ни в какие рамки.

Все трое озадаченно глянули на меня, а потом начали смеяться. Не смеяться – ржать. В голос, едва слезы не утирая. Я даже о боли забыл, удивленно вытаращившись на эзков.

Впрочем, о боли мне быстро напомнили, снова пнув по ноге. Я изо всех сил постарался не закричать: не хотелось при этих ублюдках, но сдавленный стон изо рта все же донесся, а на глаза выступили слезы.

– А тут мусорской власти нет, понял, да? – Сухощавый, нагнувшись ко мне, прошептал это буквально на ухо и врезал еще раз, на этот раз в грудь, выбивая дух.

Удары посыпались на меня со всех сторон. Я шипел и корчился. В общем, по поводу их зонового прошлого я, похоже, не ошибся, и работников правоохранительных органов уроды, очевидно, не любили. А значит, участь меня ждала незавидная. Вполне возможно, что смерть была бы сейчас самым лучшим выходом.

– Вы его так до смерти забьете, – вновь проскрипел Жуткий. – Успокоились бы.

Похоже, от этого парня не по себе было не только мне. Отморозки унялись и оставили в покое мое вопящее от боли тело. Ощущения были отвратительные: тошнило, голова кружилась, перед глазами плавали кроваво-красные пятна, в ушах стучало.

– Блин, ну и че с ним теперь делать? – спросил озадаченный голос толстяка. – Мы ж не доведем его до фермы. Он подохнет еще до того, как мы всех соберем.

– Думать надо, прежде чем что-то делать, – пробурчал Жуткий.

– Влей ему живца в глотку, – ответил сухощавый, который, несмотря на внешность охотника-любителя, оказался полным психом. – Из его же фляги. Тогда, может, доживет до вечера. Если для фермы не сгодится – на фарш пустим.

Мою голову приподняли, перед глазами мелькнуло круглое, как луна, лицо здоровяка. Он надавил на челюсть, заставляя разжать зубы, о которые тут же стукнуло горлышко фляжки. В рот полилась жидкость, которая уже не казалась такой противной, я рефлексивно сделал глоток и чуть не захлебнулся. Похоже, что в меня влили минимум пол-литра этой дряни, но боль очень быстро отступила, а зрение пришло в норму. Я понимал, что эти ощущения обманчивы, стоит мне двинуть ногой, как боль в ней снова вернется. Хоть бы палку какую-то привязали что ли. Ублюдки.

– Руки давай, – сказал жиробас, вынимая из кармана целую кучу пластиковых стяжек. – И это, за спораны и курточку спасибо. Буду самый крутой на базе.

– Она тебе все равно не идет, – просипел я.

– Ну и ладно, значит, сменяю, – невозмутимым голосом ответил он. – Где спораны-то взял?

– Пришил двоих отморозков, они трахнули продавщицу и грабили магазин. Я не понял, что это такое, но решил, раз таскают с собой, значит, ценное.

– Да уж, ценное, мусорская чуйка тебя не подвела. – Он затянул стяжку у меня на запястьях так сильно, что кисти мгновенно побелели. Полежать так пару часов, и можно будет отрезать. Да и ногу, скорее всего, тоже, в голени сплошное месиво из осколков.

От этих мыслей захотелось завывать волком. Вот еще с утра был здоровый и уверенный в себе мужик со связями и перспективами, при деле, деньгах, да и от телочек отбоя не было. А теперь я кто? Даже если смогу выбраться, то инвалид безногий.

И чуть от обиды не расплакался, но все же взял себя в руки. Не в буквальном, разумеется, смысле. Тяжело взять себя в руки буквально, когда они стянуты между собой куском крепкого пластика.

– А что это за дерьмо-то вообще? – спросил я. – Ну, спораны эти?

– Это, мусорок, деньги. И жизнь тоже. Нравилось тебе то, что лакал? Вот из споранов живец и делают, понял?

– Завязывай уже языком мести с этим мясом, – раздраженно проговорил главный. – Хватай его да потащили.

– Стой, подожди-ка секунду, – сказал здоровяк, рассматривающий соскользнувшую с плеча «ксюху».

– Ты чего? – спросил главный, подозрительно покосившись на жиробаса.

– Да вроде «ксюха», а написано не по-русски, – ответил тот и принялся разглядывать ствольную коробку. – Чего это, амеровская волына? А мент вроде русский.

Я понятия не имел, о чем говорит жирный. Тем более мой автомат был выпущен на заводе в Ижевске и никак не мог иметь иностранной маркировки. Может быть, я случайно прихватил «ксюху» Кастета? Там вроде было что-то на латыни, но у грабителей и тачка была странная.

– Ты совсем, что ли, там сейчас кластер грузанется.

– Да не шелести, Бугор, интересно же, – ответил жиробас, слегка повернулся и щелкнул предохранителем.

Через секунду ситуация поменялась кардинальным способом. Здоровяк выжал спусковой крючок и напиговал короткой очередью сухощавого. Тот даже дернуться не успел, как получил пару пуль в грудь, а последняя разорвала ему горло. Жуткий успел развернуться и каким-то образом мгновенно отпрыгнуть на десяток метров в сторону. Вскинул автомат выжал спуск и одиночным выстрелом попал жиробасу точно в голову, расплескав по мне содержимое его черепной коробки.

А еще мгновение спустя бросил автомат, захрипел и упал на колени, зажимая руками разрезанное горло. За его спиной, будто из ниоткуда, появилась фигура в плаще с ножом-выкидухой в руках.

Сложив нож, мой таинственный спаситель упрятал его в карман, наклонился и принялся обыскивать труп. Достал какую-то коробочку, похмыкал, потом мешочек, раскрыл его, запустил внутрь длинный и крючковатый нос, негромко посмеялся. Закинул на плечо автомат погибшего «прыгуна», стащил с тела разгрузочный жилет и набросил на себя, не став застегивать, после чего двинулся к следующему трупу.

Я огляделся и увидел на земле свое удостоверение. Видать, Жуткий там и кинул ксиву после того, как удовлетворил любопытство. Решив, что оставлять его на виду нельзя, я уцепился руками за податливый жирный дерн и, совершив нечеловеческое усилие, дотянулся до заветного документа.

Правда, в ушах вновь застучало и запульсировало, а темная пелена заволокла поле зрения. Ухватив «корочку» мгновенно ставшими непослушными пальцами, я закрыл ее и спрятал в карман брюк. Плохо тут на нее реагируют, нечего ей на виду валяться. Спаситель тем временем стаскивал с жиробаса мою куртку, продырявленную пулевыми попаданиями и испачканную кровью. Наклонился, обшарил карманы, убрал какие-то предметы по своему разумению в карманы безразмерного балахона, после чего подошел к сухощавому. Его тело тоже подверглось тщательному обыску, после чего мужчина двинулся в мою сторону. Наклонился, вынул и разложил нож. Я даже не стал пытаться отползти в сторону или лягнуть его – какой смысл?

Но резать он меня не стал. Сковырнул лезвием штанину, пропитанную кровью, разрезал, посмотрел на ногу и озадаченно помотал головой.

– Что, плохо? – спросил я.

– Факт, – ответил мой спаситель, запустил руку в карман и извлек из него небольшую картонную коробочку. Раскрыл, вынул шприц, заполненный какой-то дрянью, убрал колпачок и резко, без предупреждения всадил иглу мне в бедро на две трети длины. – Тихо, – сказал он. – Не дергайся, иглу сломаешь.

– А что это? – не понял я.

– Лекарство. Так ты хоть транспортировку переживешь, а уходить надо скорее, кластер скоро перезагрузится. Твари со всех окрестностей сбегутся. И не пустыши, Улей с ними, пустыши нам не страшны. А вот если серьезный кто придет – могут быть проблемы. Да и этих хватиться могут, тут до базы ихней недалеко, рация добивает, а в машине у них станция стоит, я видел. Да и мало их, трое всего. А машины две. И дело их больше людей требует. Так что может еще кто-то подъехать.

– Серьезные твари – вроде верзилы с огромными когтями? Я такого встретил, – пробормотал я, чувствуя, что язык начинает заплетаться. – Метра под два, сплошные мускулы, «станкан» «бобика» вскрыл, как консервную банку.

– Лотерейщик, если ты правильно описал. И это далеко не самый развитый монстр, – усмехнулся мужчина. – До элиты не дотягивает. Убил?

– Не знаю, – пожал я плечами. Боль отступила и почти не чувствовалась, стук сердца практически затих, чувствовал я себя вполне нормально, если не опускать взгляд и не смотреть на раздробленную голень. – Сбил его с машины и высадил целый магазин из «укорота». Потом, правда, у тачки лопнуло колесо, я улетел в какой-то овраг и треснулся лицом об руль.

– Значит, убил, – утвердительно кивнул мой спаситель. – Иначе он бы тебя сожрал.

– Я проснулся от того, что меня укусили.

– Как выглядела тварь?

– Как человек, только мертвый. Медленная была, удалось затащить в кабину и пустить пулю в затылок.

– Вот, это пустыши и есть. Повезло тебе, что лотерейщика завалил, вдвойне повезло. Мелочь его запах ненавидят, пока не поняли, чтодохлый, не лезли. Ну что ты, как себя чувствуешь?

– Нормально почти, – усмехнулся я. – Только глаза слипаются, спать хочется. Но это потому, что бродил всю ночь, да и выехали мы с Саней из участка уже под вечер... – Странная какая-то у меня словоохотливость.

– Это спек действует, – ответил мне мужчина, будто прочитав мои мысли, и голос его донесся будто издалека, с другой планеты. – Ты не сопротивляйся, спи давай, а то мне еще далеко тебя...

Окончания фразы я уже не услышал.

Глава 5

Сухие ветки едва слышно потрескивали, сгорая в пламени костра. Я лежал на подстилке, остро пахнущей хвоей. От костра приятно тянуло дымком. Я повернул голову, прикрывая глаза ладонью, и увидел своего спасителя, который куском арматуры ковырялся в угольях.

– Чего, отпустило? – спросил он, обратив внимание на мое шевеление. – Сутки почти провалялся ведь, пора уже просыпаться.

– Кто ты?

Мужчина в балахоне ухмыльнулся и стащил с головы капюшон. Теперь я смог нормально рассмотреть его в свете догорающего костра. Он выглядел совсем не старым, едва ли лет на сорок, но был абсолютно лыс, при этом зарос густой бородой. Длинный прямой нос и небесно-голубые глаза дополняли образ, делая моего спасителя похожим на немца.

– Странный вопрос, – наконец заговорил он. – Обычно новички спрашивают «где я».

– Это был бы второй, – ответил я. – Просто я впервые вижу человека, который может появляться там, где секунду назад его абсолютно точно не было.

– Ну, ответ на этот вопрос вытекает из того, где мы находимся. Но ладно. Меня зовут Бродяжником.

Я не сдержался и, несмотря на пульсирующую в ноге боль, приснул со смеху. Как-то совсем не ассоциировался у меня мой лысый спаситель с кудрявым Арагорном.

– Во, и этот туда же, – практически обиделся мужик. – Все вот ржут чего-то, а чего – не говорят. Нормальное прозвище. Ты бы видел того, кто мне дал его. Крестный мой, худющий, как жердь, с патлами белыми длинными, да еще и с луком. Вот у кого прозвище – в приличном обществе и называть стыдно.

– Один раз – не Леголас, – снова не выдержал я, хотя к шуткам обстановка совсем не располагала.

Однако мой спаситель не разозлился. Скорее он выглядел удивленным.

– Ты ж свежак вроде. Откуда знаешь? Знаком с ним, что ли? Когда успел?

Теперь настал мой черед удивляться. Что это за человек, который про «Властелина» не слышал? Я так-то совсем не фанат фэнтези, и то смотрел легендарную трилогию. И даже понравилось более-менее. Не, не в ту степь разговор пошел, надо сворачивать.

– В фильме одном был персонаж похожий, с именем таким же.

– Это может быть, да. Видать, за внешность его и окрестили. Имена у нас тут не выбирают.

– Тут – это где?

– В Улье.

– Чего? – не понял я. – В каком еще Улье?

– Я не уверен, что стоит тебя сейчас грузить всеми подробностями. Могу пока сказать одно: ты в другом мире, не на привычной тебе Земле. Я не знаю, другая планета это, параллельное измерение или еще что – да никто этого не знает на самом деле. Есть только один факт: это не наш мир, но нам приходится здесь жить.

Мой спаситель сделал паузу, наблюдая за моей реакцией. Я молча ждал продолжения. А что тут говорить? Есть только два варианта: либо бородатый – псих, либо он прав. И я, если честно, склонялся ко второму. У меня у самого где-то на грани сознания крутилась подобная версия. Психи, все эти участки пространства, абсолютно не подходящие друг другу, будто состыкованные по невидимой линии, беспредельщики на тачках с колхозным тюнингом, заброшенные города посреди Брянской области... Никогда не был большим любителем фантастики, но сейчас все было за самую фантастическую версию.

– А ты спокоен, – наконец произнес Бродяжник.

– А чего теперь елозить? – пожал я плечами и поморщился от боли в ноге. – Как я сюда попал? Я же выехал на вызов, убийство, пять километров от города. Даже на место приехал. А там уже психи...

– Это не психи. Чаще всего их здесь называют зараженными. Туман помнишь?

– Который кислятиной воняет? – догадался я.

– Да, именно. Его называют кисляком. Кисляк – не просто туман, это споры Улья. Никто не знает, как работает механизм переноса, но ему всегда предшествует туман. Твоя деревня...

– Она не моя.

– Не важно. В общем, участок пространства, на котором находилась деревня, перенеслась в Улей. Такие участки называют кластерами. Весь Улей состоит из них. Так вот, границы кластера перед переносом всегда ограничены таким туманом. Въехал в него в нормальном мире – все, привет. Добро пожаловать.

– А пси... Зараженные откуда? Нормальные же люди были, видно.

– Кисляк – не просто туман. В нем находятся некие споры, которые попадают внутрь человеческого организма. И когда они там прорастают, получаются вот такие вот психи. Только пустыши, которых ты называешь психами, – это начальная стадия, дальше они изменяются. Становятся опаснее. Как тот лотерейщик, которого ты убил, только он по этой лесенке недалеко ушел. Есть твари и покруче. Единственный способ спастись от превращения – надеть респиратор и носить его на постоянку. Но сам понимаешь, знал бы, где падать, подстелил солому.

– А мы с тобой почему не свихнулись?

– Потому что мы с тобой – везучие сукины дети. Ну, или, наоборот, очень невезучие. Смотря с какой стороны на это смотреть. Мы – иммунные. На нас эта зараза действует не как на остальных людей, таких примерно один процент. Ты еще из свежаков, но заматереешь. Если выживешь.

– Меня укусил пустыш. Это ничего?

– Сам посмотри, – ответил он. Я поднял руку и увидел, что там, где совсем недавно была страшная рваная рана от зубов, светлым пятном выделяется новая розовая кожа.

– Это один из подарков Улья, которые он делает иммунным. Баланс. У нас повышенная регенерация. Укус – только укус, опасно, но ничего больше. Главное – не дай себе выпустить кишки или голову отгрызть, вот тогда да, будут проблемы. Сомневаюсь, что голова сможет отрастить себе новое тело.

Я снова задумался. Интересно, да.

– Значит, кластеры грузятся со всем, что на них есть. И с людьми тоже. А если остаться на перезагружаемом кластере – домой вернуться можно? – Я все же не до конца поверил, что дороги назад нет. Во всех книжках и фильмах с подобным сюжетом герой всегда ищет дорогу домой. И находит обычно. Я бы тоже хотел. Хотя бы назад в Суражское РУВД, хрен с ним. Все лучше, чем здесь.

– Каждый этот вопрос задает, – усмехнулся Бродяжник. – Если бы все было так просто, то никто б здесь не жил. Люди, которые попадают на перезагружающиеся кластеры, в лучшем случае сходят с ума. Превращаются в неагрессивных олигофренов, неспособных самостоятельно зад потереть. Так и ходят до первого же монстра, который милостиво прервет их жалкое существование.

– Хорошо, допустим. – Я согласно кивнул. – А почему люди на Земле не знают о существовании этого пространства? Ведь целые поселки исчезают, почему никто никогда не слышал об этом? Такое нельзя долго замалчивать!

– Вот тут все несколько сложнее. Обычно это хорошо понимают физики и любители фантастики. Слышал что-нибудь про мультиверсум?

Мой непонимающий взгляд был лучше любого ответа.

– Есть теория, что Земля – только один из бесконечного множества миров. Не планет, а именно миров, реальностей. Реальности эти существуют в пространстве-времени совсем рядом, но никогда не пересекаются. Они могут отличаться от нашей Земли, иногда значительно, иногда – в мелочах. Так вот, есть теория, которая во многом находит подтверждение, что Улей вырывает каждый кластер из новой реальности. То есть состоит из множества осколков миров, никак не связанных друг с другом. По одной версии, кластеры из Улья перемещаются на место тех, которые переносятся сюда, по другой – переносимые кластеры сюда не переносятся, а копируются в Улей вместе со всем содержимым, включая людей. То есть где-то там, дома, ты доехал по вызову, повязал убийцу и поехал в РУВД писать отчет. А твоя копия, эдакий доппельгангер, переместился сюда. То есть есть ты, лежащий здесь с перебитой ногой, а есть ты, пьющий в отделе чай и матерящийся на древний, зависающий компьютер. Но это не точно. Ни первая, ни вторая версии подтверждения не имеют. Здесь ты можешь быть точно уверен только в том, что пережил на собственном опыте, и то не всегда.

– Сложно. – Я помотал головой. – Давай что попроще. Кто такие внешники?

Бродяжник снова усмехнулся:

– Ну, тут полегче тоже не получится. Внешники – это люди из других миров. Оттуда, где люди каким-то образом научились пробивать дорогу сюда и возвращаться обратно. Но, увы, для нас это ничего хорошего не означает. Скорее наоборот.

– Почему?

– Помнишь, что я тебе говорил про регенерацию? Так вот. Наши измененные организмы представляют для внешников огромную ценность. Из наших органов делают огромное количество лекарств для внешних миров – от банальной косметологии до лекарств от рака и СПИДа. Мы же ничем не болеем, вообще ничем, понимаешь? И раны затягиваются чуть ли не моментально, и конечности оторванные отрастают. Для нас вообще всего две штуки страшны – ботулизм и радиация. Все. И потому эти самые внешники на нас охотятся, будто на дичь какую. Особенно ценятся у них матерые иммунные, успевшие прожить в Улье длительное время, но и свежаки годятся. Матерых иммунных сразу на требуху разделявают, за таких внешники лучше всего платят. Иногда живых заказывают, да с определенным даром – на опыты. А вот свежаков на «ферму» определяют.

– Что за ферма? Уже не в первый раз название это слышу. И про дары эти опять упоминаешь, рассказать обещал.

– Ферма... Как бы тебе объяснить... Это одновременно инкубатор и донорский центр с возобновляемыми ресурсами. Смотри, со свежака толку мало – он сюда только попал, организм еще адаптируется, перестраивается. За таких внешники платят мало. Но если его, допустим, поддержать в клетке несколько недель – он становится более, так сказать, «выдержанным». Как вино хорошее. Кроме того, насколько я слышал, от внешников частенько поступают заявки на определенные органы. Целого человека ради почки резать какой смысл? А так взяли подходящего донора, отчекрыжили чуть ли не по живому, заштопали и назад в клетку – новую почку отращивать. И так десять раз. Понял про возобновляемый ресурс? С матерыми иммунными такой фокус финтить стремно: некоторые всю базу миров могут по кирпичику разобрать вместе с самими мурами. А с полусвежаком, который даром своим не владеет толком, – безопасно. Вот и сидят так, пока муровский лепила по ошибке не заденет что-то важное при «операции» или пока стронги на базу эту не наткнутся. Вот так как-то.

Бродяжник умолк, давая мне осмыслить сказанное, а я задумался. Так вот что меня ждало? Впору бросаться в ноги спасителю и подол балахона целовать. Очень не хотелось бы оказаться на «операционном столе» у тех ребят, что меня взяли. Что-то мне подсказывает, что хирурги из них хреновые и анестезии не дождешься. М-да. Я приподнял голову и посмотрел на ногу, которая аккуратно с обеих сторон фиксировалась палками. Хотя что-то положительное во всей этой ситуации – инвалидом я, судя по всему, не останусь.

– Слушай, – вспомнил я начало разговора. – Ты так и не рассказал, что там в посадке произошло. Сначала бандиты друг в друга начали стрелять, а потом ты появился. Из ниоткуда. Как так вообще?

– Это отдельный разговор, и достаточно продолжительный. Предлагаю отложить его. Тебе сейчас лучше поесть. Организму нужен строительный материал, так что не стесняйся, налегай на картошечку.

Он разворошил угли и палкой выудил из них сверток из плотной фольги, пододвинул ко мне. Потом расстелил на земле газетку и положил на него тарелку с зажаренной ногой, принадлежавшей какому-то мелкому животному.

– Это не кошатина? – прищурился я.

– Ага, сейчас, стану я кошек на тебя переводить. Поохотился немного, заяц это, можешь есть. Сейчас еще плесну тебе немного живца, для сугрева.

Два раза себя просить я не дал – горячая картошка, холодная зайчатина, что еще нужно, если ты не ел почти полтора суток? Схватив вилку, я развернул сверток, который безумно ароматно пах печеной картошкой, но есть ее сейчас стал бы только сумасшедший – слишком горячо. Поэтому пришлось есть зайчатину. Вот она меня слегка разочаровала, хоть и пахла дымком, но была приготовлена без каких-либо специй. Но привередничать сейчас точно не стоило. Я принял стаканчик с какой-то жидкостью из рук Бродяжника, принюхался и чуть не заорал:

– Да это же тот самый нектар! Что это?

– Ну, нектаром его тоже зовут, но вообще это живец. Он же живчик и живун. И еще куча названий. Ты, конечно, за вчера почти литр усосал, судя по пустой фляге, но все равно пей.

Я не стал противиться, сделал хороший глоток, наколол на вилку картофелину и принялся тщательно ее обдывать в надежде не обжечься. Бродяжник тем временем достал из кармана мешочек, очень похожий на тот, что я отобрал у грабителей, мародеривших «Клевое», запустил в него руку и принялся пересыпать шарики из ладони в ладонь.

– И откуда только у них столько? – задумчиво проговорил он. – Здесь с нескольких тварей добыча, с лотерейщиков минимум. Где они их нашли тут? Да и лохи они, сами добыть не могли. Отобрали, наверное, у кого-то.

– А что это? – пробормотал я с набитым ртом.

– Это горох и спораны. Добыча с опасных тварей, из которых убитый тобой лотерейщик – самый простенький.

– В смысле добыча? – не понял я.

– У тварей в области затылка есть такой вырост, мы называем его споровым мешком. Самое уязвимое место, проткнешь его – и любой, даже самый крутой монстр подохнет почти моментально. Внутри разные штуки встречаются: спораны, горох, а у самых крутых – их еще элитными зовут – жемчужины.

– И в чем соль этих штук?

– Давай я сейчас заостряться на этом не буду. Достаточно сказать, что в обитаемых местах за них дадут многое. На этом пока закончим.

– Хорошо, – согласился я. Тут бы уже полученную информацию переварить, куда еще-то? Хотя осталось то, что меня продолжало интересовать:

– Ты обещал рассказать про дары. И про то, как ты смог появиться из ниоткуда. И почему бандиты постреляли друг друга. И что-то мне подсказывает, что все эти объяснения будут связаны.

– Догадливый, – хмыкнул Бродяжник. – Хорошо. Улей справедлив – в своем понимании. Отнимая у нас возможность вернуться домой и превращая тех, кому не повезло, в кроважанных тварей, он дает кое-что взамен. У тех, кому повезло стать иммунными, со временем проявляются разные способности. В нашем мире таких людей называли бы супергероями, но

здесь тогда все – супергерои. Кто-то в большей, кто-то в меньшей степени. Кто-то может замедлять время – или ускоряться до немыслимой скорости. Кто-то может управлять огнем, кто-то – дышать под водой, кто-то на некоторое время становится неуязвимым. Некоторые могут читать мысли, некоторые – внушить их, брать других под контроль. Кто-то даже невидимым становится.

– Дай угадаю. Про невидимость и внушение – это ты по себе знаешь, да? Получается, бандиты из-за тебя и передрались?

Бродяжник неохотно кивнул.

– А что ты еще умеешь?

Лицо моего спасителя посуровело.

– Здесь не очень приняты такие расспросы. Если знаешь сильное место человека – знаешь и его слабость. Не треплют о дарах языком направо и налево.

– Принял, – кивнул я. – А какой дар получу я?

– Этого никто не знает, – покачал головой Бродяжник. – И ты сам не узнаешь достаточно долго. Пока дар не проявится сам. А теперь хватит. Спи. Тебе надо набираться сил, восстанавливаться. Перелом плохой у тебя, а нам еще завтра длинное путешествие предстоит.

Я не стал интересоваться у Бродяжника, как он представляет себе путешествие с открытым переломом, решив, что будет день – будет и пища. А чувствовал я себя и вправду уставшим, будто не провалялся без сознания сутки, а кросс бегал. Да и от съеденного клонило в сон. Сон... Лучше бы все окружающее оказалось дурным кошмаром. И проснуться я от него готов был где угодно – хоть в общем кабинете оперов в Суражском РУВД. Не так уж там и плохо, оказывается.

Эх, мечты...

Глава 6

Бродяжник разбудил меня, едва над горизонтом поднялось местное светило. Судя по ощущениям, было часов пять утра, но я чувствовал себя практически нормально, даже нога не болела, а уж про все остальные повреждения я и забыть успел.

Мужчина протянул мне открытую банку и уже знакомый стакан, я принялся к содержимому и поморщился – зеленый горошек. Впрочем, было грех жаловаться, себе мой спаситель вообще взял кукурузу. То ли вчерашний заяц закончился, что ли мужчина оказался фанатом правильного питания и считал, что есть мясо по утрам вредно.

Похоже, ускоренная регенерация нехило подпитывалась ресурсами организма, горох я смолотил меньше чем за минуту, запил водой из стакана и вопросительно посмотрел на Бродяжника. Тот ел кукурузу, но медленно, то ли наслаждаясь даже таким завтраком, то ли прислушиваясь к происходящему вокруг.

– Живца пока не дам, – пояснил он, наткнувшись на мой взгляд. – Тебе, конечно, его много нужно пить, но сам знаешь – лекарство и яд часто различаются только дозой. Вот и если спорowego настоя пить слишком часто и много, то последствия могут быть. Ты себя как чувствуешь?

– Удивительно, но для человека, которому практически отрубило ногу, приемлемо, – проговорил я, покивав. – В общем-то, вполне нормально, хотя сам идти не обещаю.

– Ты с ума от боли сойдешь, если на ногу наступишь, – ответил Бродяжник. – Пока ты под спеком был, я кое-как совместил осколки и закрыл рану, но тебе помощь нужна, сначала нормального человеческого хирурга, а потом и местных знахарей.

– В смысле – знахарей? – не понял я.

– Знахари – иммунные с целительским даром Улья. Они могут манипулировать процессами восстановления организма. Как – у меня не спрашивай, все равно не знаю. Как до госпиталя доедем, увидишь сам, впрочем, они тоже ничего не расскажут. Есть у меня ощущение, что знахари и сами не знают, откуда у них сила и как именно она работает.

– Доедем? – спросил я.

– Ну не пешком же мы будем тащиться? Тут путь неблизкий, хоть благодаря союзу местных муров и внешников – относительно безопасный. В том, что касается монстров, во всяком случае. Хотя эти ребята хуже тварей, как на мой взгляд. И ума побольше. Но мы тоже вроде как не пальцем деланные. Даст Улей – прорвемся. Не было бы с твоей ногой проблемы, пошли бы пешком, здесь чем тише – тем лучше. Но не дойдем. Так придется шумно, но быстро. Только вот до машины придется тебе самому дойти, я подгонять ее к укрытию не рискнул, уж извини. Держи. – Бродяжник пододвинул ко мне облезлые и местами ржавые костыли.

– Ого, где взял? – усмехнулся я, увидев этот реликт.

– Тут неподалеку кусок деревни затянуло, пару домов, но один из них – сельский клуб, а во втором ФАП. Вот, заглянул, пока ты спал.

– Спасибо, – кивнул я, не спрашивая, что такое этот мистический ФАП, тем более что он у меня ассоциировался совсем с другими вещами. – А мы сейчас на стабе, получается?

– Да, но маленьком совсем. Подходит, чтобы переночевать или тайник устроить, но поселения тут никто оборудовать не станет. Разве что муровы, но они обосновались чуть западнее.

– Западнее? Ты же говорил, что компасом тут не пользуются, да и по звездам я вчера ничего не понял.

– Ну солнце-то где-то встает, да? Да и условно так делят: в той стороне, где Удавка, она же – Внешка, восток. С противоположной стороны – Пекло – это запад. – Он посмотрел мне в глаза, осознал, что я не понимаю ни слова, и принялся пояснять: – Удавка – это сплошной пояс из мертвых, «черных», кластеров. Там не работает техника, любой электрический прибор пре-

вращается в хлам, да и иммунным не по себе становится. Задержишься на «черноте» надолго – смерть. С другой стороны – Пекло, там есть огромные кластеры, размером с мегаполисы. Даже Москва, говорят, грузится, со всеми жителями, коммуникациями и правительством, но я ее посещать желанием не горю. Она и в моей реальности мне не особо нравилась Ладно, доел?

– Да. Тогда осталось пару моментов еще решить, и будем выдвигаться. Смотри! – Бродяжник достал свой мешок.

– Имущество твое. Я сам огнестрелом пользоваться не люблю, шумно это. Но для тебя прихватил «АКМ» и разгрузку с шестью магазинами, на первое время хватит. – Он выложил перечисленные предметы на землю. – Пистолет твой же тебе верну, тем более, как понимаю, он табельный. – Усмехнулся, явно подразумевая, что серийные номера на оружии больше не имеют никакого значения. – Спораны. Твои сорок, да у каждого еще по полсотни было. На лечение и первое время тебе хватит, даже в дорогих стабах. «Горох» я весь себе забрал, уж извини, мне он нужнее.

– И это все за просто так? – с сомнением посмотрел я на своего спасителя.

– Ну, как бы да, – кивнул он.

– Слушай, а чего ты вообще за меня впрягся? – задал я, наконец, давно мучивший меня вопрос.

– Тут сразу несколько моментов. Во-первых – чисто по-человечески. Видно по тебе, что ты парень нормальный, не место тебе на ферме у муров. А во-вторых... Не любит Улей, когда свежаков обижают. Очень не любит. И наказывает за это. Возможно, как раз я для Полковника и его банды таким наказанием и стал. Я давно тварь эту отслеживаю, отморозок лютый. Вот сейчас он и попался. Ну, а за помощь новичкам Улей, стало быть, награждает, считается. Карма типа.

– «Карма – она как печень. С трепетом надо к ней», – пробормотал я.

– Чего?

– Да так, не обращай внимания.

– Хорошо. Теперь – второе. Не менее важное. У нас тут имена не в ходу, сам понял. Все по-разному считают, кто-то просто говорит, что надо о прошлой жизни забыть, а кто-то считает, что мы только копии себя настоящих, и если будем зваться по именам, то вся удача к оригиналу уйдет. За правдивость этих предположений говорить не могу, но по именам здесь не принято. А значит, придется тебе моим крестником стать. – Он достал из кармана мое удостоверение, раскрыл и стал разглядывать.

Видимо, пошарился по карманам, пока я был без сознания. Впрочем, обижаться на это не было смысла, сам бы поступил так же, а то мало ли какие сюрпризы могут отыскаться. Тем более что Бродяжник вытащил меня из такой ситуации, что, куда ни кинь, всюду вилы. А какие-никакие понятия о благодарности у меня все же имелись.

– Опером бы тебя назвал, да это до первого беспредельного стаба. То же самое, что «мусором» назвать или «легалым». Имя и фамилия у тебя неговорящие, даже не придумать ничего. Хм... Будешь в капитанах ходить? – Он посмотрел на меня. – Не, длинно слишком. Будешь Кэпом. Если что, то и лишние ассоциации уберем. Держи. – Он передал мне удостоверение.

Я посмотрел на собственное фото, гербовую печать, звание, вспомнил власть, которую давала эта бумажка. Похоже, пора было признать, что это все закончилось и возврата к прежней жизни нет. А это, как ни крути, гораздо более кардинальное изменение, чем переезд в Брянскую область.

Остается только попытаться устроиться и здесь, на новом месте. В мире какого-то непонятного Улья.

– Тяжело? – участливо поинтересовался Бродяжник. – Понимаю, мне тоже не очень было. Знаешь, если хочешь, чтобы все прошло быстрее, брось его в костер.

– Удостоверение? – уточнил я.

– Да. Меньше памяти о прошлой жизни, проще привыкать к новой.

Я закрыл удостоверение, бросил взгляд на герб и глянул в костер. Ментовские привычки отчаянно сопротивлялись, от одной мысли о том, чтобы сжечь документы своими руками, все нутро выворачивало. Ломало страшно, но я сделал на собой усилие и швырнул удостоверение в самый центр костра.

Оно раскрылось. Какое-то время бумага сопротивлялась пламени, но быстро сдалась, почернела и стала скручиваться. А я смотрел на свое фото в милицейской форме, которое пожирал огонь, и понимал, что вот он – момент, когда прошлая жизнь стала недоступной, а что делать в новой, еще не ясно.

Мог ли я представить полгода назад, что ссылка в Брянскую область закончится именно так? Если б знал, то непременно отказался бы, выбрал какое-нибудь другое место, черт с ним, пусть на Урал, да хоть в Хабаровск. Откуда угодно можно вернуться, но не отсюда, эта ссылка бессрочная.

И обидно стало, аж выть захотелось. Или еще проще, подобрать с земли пистолет да всадить пулю в свою тупую башку. И ведь сам во всем виноват, как ни крути, даже не свалить ни на кого.

– Что, херово? – спросил Бродяжник. Я только кивнул. – Бывает. Но стреляться я тебе не дам, имей в виду. Я теперь папа твой крестный и за тебя в определенной мере отвечаю. На хрен мне крестник-самоубийца? Выше нос, Кэп. И здесь люди живут.

Я лишь кивнул.

– Хватит сопли распускать. Поднимайся, и пойдем.

Я попытался неловко встать на костыль, но Бродяжник подошел и помог мне подняться, после чего подхватил весь мой нехитрый скарб, им же и подаренный, после чего повел в сторону уже успевшего зарости невысокими березками поля. Там тропинка стала спускаться в низину, но мужчина не стал заставлять меня спускаться в балку на одной ноге и велел ждать на дороге, асфальт с которой уже почти сошел.

Дно и стенки скрывала густая трава, и отсюда не было видно, что происходит внизу. Я слышал только, как взревел мотор, а потом мне пришлось отойти в сторону, чтобы уступить дорогу «уазику».

Это был тот самый «бобик», на котором ездили вчерашние охотники за живым товаром. Вблизи и при дневном свете он выглядел еще хуже, чем ночью: борта и бамперы оказались увиты колючей проволокой, а из крыши торчали колья. Кое-где были видны пятна ржавчины и засохшей крови. А так как принадлежала машина не фанатам «Безумного Макса», было ясно, что тачку никто не фактурил и все «украшения» имеют чисто утилитарное значение.

– А нам не опасно на угнанной тачке гонять? – спросил я у Бродяжника, когда он открыл мне пассажирскую дверь.

– Опасно. Но пешком сейчас еще опаснее. Мы на Внешке, тут беспилотники постоянно шныряют, и стреляют они по всему, что движется. Особенно – по машинам. Но у Полковника с ними договор, поэтому в машинах этих маячок стоит. Наткнуться на муров мы, конечно, можем, как и на самих внешников, но это еще бабушка надвое сказала. А вот с дронами повстречаемся со стопроцентной вероятностью. Так что забирайся, устраивайся поудобнее да поехали.

– Ну сказал, поудобнее, – пробормотал я. – В «бобик» со сломанной ногой, да еще и поудобнее.

– Да, ты прав, надо было ее вообще отрезать. – Мой спаситель говорил с таким серьезным лицом, что я даже не понял, шутка это была или нет. Он наклонился, щелкнул чем-то и отодвинул сиденье. Я даже не знал, что в «бобике» так можно.

С погрузкой в «УАЗ» получилась целая эпопея, но ни одного цензурного слова, чтобы описать это, я подобрать, пожалуй, не смогу. Устроившись более-менее комфортно, я пристег-

нул ремень безопасности и захлопнул дверцу. Бродяжник тронул машину, и мы поехали на запад, а поднимающееся над Ульем солнце светило нам в спины.

* * *

Передвигаться по территории Улья в «бобике», уровень комфорта в котором был далеко не люксовым, да еще и со сломанной ногой, оказалось той еще пыткой. Бродяжник гнал машину на запад, ориентируясь по одному ему понятным приметам. Я даже не пытался запоминать дорогу, кусочки пространства слишком быстро сменяли друг друга.

Подумал было спросить у своего спасителя, есть ли какая-нибудь карта местности, составленная специально для иммунных, но через окно с улицы потянуло кисляком, и это сразу вытеснило остальные мысли из головы. Бродяжник, естественно увидел это раньше меня, как и стелющийся над землей низкий туман, вывернул руль и съехал с дороги.

– Пока кластер не перезагрузится, ехать нельзя, – пояснил он, хотя я и сам это прекрасно осознавал. – А потом тут хрен знает что начнется. Кластеры быстрые, грузятся часто, и обращаются зараженные за полчаса-час. Проскочить, конечно, можно, но здесь ведь и мурья наверняка появятся.

– А они пойдут на дело без главного?

– Да, будь уверен, за сутки уже и «Газель» брошенную, и трупы отыскивали. Конечно, они пойдут на дело, стабильный поток иммунных для муров – жизнь. Это единственная причина, почему внешники еще их самих на фарш не пустили.

– А мертвяков зачем отлавливают? – спросил я.

– Да на арену продают. А в некоторых местах пустышей как сторожевых псов используют. Или сигнализацию. На привязь сажают, а если он кого живого почует, то заурчит... – Бродяжник остановил машину перед воротами, которые вели во двор одного из домов, но двигатель глушить не стал. – Сейчас, подожди минуту.

Он открыл дверь и вышел из машины, подбежал к воротам, заглянул за них, уцепился рукой, оттолкнулся от земли и легким движением перебросил себя через довольно высокие створки.

Минуты три ожидания, и ворота распахнулись. Бродяжник вернулся за руль, снова тронул машину, развернул ее и припарковал в достаточно просторном, хоть и успевшем зарастить сорной коноплей дворе. Вышел, прикрыл створки и даже вставил в паз гнилую деревянную доску, которую использовали в качестве засова.

– Ждать будем? – спросил я.

– Ага, – кивнул мой спаситель. – Кластер перезагрузится, и рванем на всех парах. Правда, проблемы могут быть, вид у нашей машинки не самый мирный, так что готов будь.

– В смысле? – не понял я.

– В прямом. Вот представь себе реакцию твоих коллег на такую тачку в центре города? Надо объяснять? Так что будь готов ко всему, возможно, и пострелять придется.

– В кого?

– Да в коллег твоих, что ж ты тупишь-то так? – Он, видимо, заметил, как изменилось мое лицо, и добавил: – Знаешь, я как-то наткнулся в одном кластере на два трупа в КПЗ. Причем это, судя по одежде, рейдеры были. Вот они в ментов стрелять не стали, те их и закрыли до выяснений. А потом обратились и кормить залетчиков некому стало. Пояснять, что дальше было?

– А можно без этого постараться? – поморщился я. – Тяжело будет в своих стрелять.

– Постараемся, но обещать ничего не могу. Кластер этот я знаю, тут центральный район какого-то райцентра прогружается, в том числе и РУВД. Там рынок, собор, магазины какие-то,

театр. Живой квартал всего один, из пары домов, но населен густо, плюс по окраинам отдельные коттеджи, людей хватает, короче. И свалить надо оттуда через полчаса – край.

– Как скажешь. – Я развалился в кресле, насколько это было возможно, привычным движением запустил в руку в карман куртки и вынул смартфон. – Надо же, уцелел, а я-то думал...

– Телефон? – с интересом посмотрел на меня Бродяжник.

– Да, – кивнул я и приложил палец к сканеру отпечатка. Экран зажегся и тут же на нем появилось сообщение, что заряд находится на критически низком уровне. – Только без зарядки. Бесплезная штука, выбросить можно, наверное.

– Почему? В больших кластерах свои сотовые вышки, большинство телефонов, что с кластеров летят, работают исправно. Да и какие-никакие развлечения. Что у тебя там? Музыка, может, фильмы?

– Ну, фильмы смотреть с маленького экранчика так себе развлечение, не практикую. А вот музыка есть, разная.

– Ну, зайдешь в стабе к барыге, купишь зарядку, заодно покажешь, что у тебя там. Если в местной фонотеке этого нет, то, может, и заработаешь чего. Не особо много, конечно, но обычно на хлеб с маслом и водку хватает.

– Я водку не пью, – поморщился я.

– Что так? Идейный? «Живчик»-то глотаешь, а он у меня на водке.

– Да просто невкусно, – ответил я.

– Ну, каждому свое, – пожал плечами Бродяжник. – Обычно водку здесь пьют даже не литрами – цистернами. Профессия у рейдеров опасная, вот и снимают напряжение, кто как может.

– Тихо, – остановил я разошедшегося мужика. – Слышишь, машина едет?

– Хм, – задумался Бродяжник, тихонько открыл дверь и бесшумно выскользнул из машины. – Никуда не уходи, я проверю.

– Ага, куда я пойду-то со сломанной ногой, – только и смог пробормотать я ему вслед.

Он сделал несколько шагов и исчез. Растворился. Видимо, воспользовался даром Улья. Хорошо ему, если сам не захочет, то никто не заметит. А вот если меня найдут, да еще в угнанной машине плюс со снаряжением убитых муров... Не знаю, даже не уверен, что люди Полковника отвезут меня к внешникам. Скорее запытают на месте, да и все.

Я потянулся изо всех сил и вытащил из-за заднего сиденья автомат. Он был слишком длинный для компактного салона «бобика», но в любом случае лучше, чем ничего. Хотя, если меня найдут, мало чем поможет, машину в дуршлаг превратят с кровавым фаршем из меня. Опер в собственном соку. Вам ножку или филе?

Отщелкнув магазин, я проверил, на месте ли патроны, вставил его назад, сдвинул переводчик в режим автоматического огня и дернул затвор. Так я почувствовал себя гораздо увереннее, хоть и понимал, что уверенность эту как ветром сдует, стоит на горизонте показаться хоть одному из муров.

Ничего поделаться не могу, страшно. Не привык я к таким ситуациям.

Подумал, положил автомат на сиденье, вынул из кобуры пистолет и нажал на защелку магазина. Проверил магазин – он был последним, видимо, подходящих на мурах не оказалось или Бродяжник просто не захотел заморачиваться. Вставил магазин обратно и дослал патрон.

Мой спаситель появился так же быстро и незаметно, как и исчез. И озадаченное выражение его лица мне, откровенно говоря, не понравилось.

– Что там? – спросил я.

– Плохо, – ответил он, убрал с сиденья автомат, уселся на него сам и захлопнул дверь. – Муры. Нас ищут, по ходу. Там три машины и как минимум восемь бойцов. А еще с ними два дрона. Если бы не беспилотники, сейчас просто ушли бы в дом и пересидели. А так – нас

спалят через две секунды. Не знаю, кто у них принял командование после Полковника, но, похоже, неглупый человек...

– А делать что будем? – прервал я поток рассуждений.

– Надо либо бросать машину и уходить, либо прорываться. Не будь у тебя нога сломана, сейчас валили бы на всех парах, но так это бесполезно. Придется прорываться.

– Вдвоем на восемь стволов? – спросил я. – Это самоубийство.

– Про беспилотники забыл, – усмехнулся он. – Сбивать придется, а такие очередь из «калаша» не возьмешь, разве что в сенсоры попадешь или двигатель.

– И что делать-то?

– Пока что ждать, – ответил Бродяжник. – Все равно пока соседний кластер не перезагрузится, ехать нам некуда. Под откат попасть не хочется. А потом будем надеяться на то, что из-за метки в машине дроны не сразу нас атакуют.

– А откуда мы узнаем, что кластер уже перезагрузился?

– Увидишь.

Я откинулся в кресле, посмотрел на пистолет, который все еще держал в руке. Похоже, что в местных краях такое оружие вообще не котируется. Особенно против тварей, которые, если верить Бродяжнику, со временем обрастают броней и теряют уязвимость. Хотя «ПММ» уже доказал свою эффективность против обычных зараженных и заодно спас мне жизнь. Но с беспилотниками с ним точно не справишься.

Как же обидно, что с ногой вот так. Ведь действительно могли уйти: выйти из тачки, зайти за дом, и дальше огородами... А теперь придется лезть в практически безнадежную драку, участвовать в которой совсем не с руки.

Завизжал клаксон, а секунду спустя я услышал звук рвущегося металла и крики. Я вопросительно посмотрел на Бродяжника, но тот уже заводил двигатель. Толчка по воротам хватило, чтобы гнилая доска переломилась пополам и створки распахнулись, и уже секунду спустя мы оказались на дороге.

Я бросил взгляд на машины муров, замершие на дороге чуть в стороне, и понял, на что рассчитывал мой спаситель. Улей прилепил сюда центральную городскую дорогу с достаточно интенсивным движением, кто-то перенесся в Улей на полном ходу и не справился с управлением, въехав в «Гелендваген», который служил у муров головной машиной. И все бы ничего, но въехал в нее трехтонный внедорожник «Дождь Рам». Импульс, пусть даже и на шестидесяти километрах в час, оказался достаточным, чтобы немца снесло с дороги и отбросило в сторону.

Бродяжник утопил педаль газа, надеясь набрать скорость раньше, чем муры оклемаются от произошедшего. Я выглянул в окно и увидел, что ублюдки повыскакивали из машин. Один из них шел в сторону «Дождя», водитель которого вяло копошился в машине, пытаясь справиться с подушкой безопасности, остальные двинулись к «гелику», пассажиры которого не двигались.

Только сейчас я понял, что за протяжный звук доносится до моего слуха, – водитель «Гелендвагена» потерял сознание и сейчас давил лицом на руль, нажимая кнопку звукового сигнала. То, что в Улье нельзя шуметь, я понял уже давно, а звук клаксона, раздававшийся сейчас над кластером, звучал для тварей всех мастей и размеров будто приглашение к ужину. Хотя скорее к завтраку.

Я посмотрел в зеркало заднего вида и увидел перекошенное в крике лицо одного из муров, который показывал в нашу сторону. Еще секунда понадобилась на преодоление какого-то невидимого барьера, границы между кластерами, и мы оказались в центре достаточно оживленного города. Будто попали на какой-то праздник или митинг – на площади у высокого здания с зелеными стеклами выстроились человек триста: кто-то в школьных костюмах, другие в военной форме устаревшего образца. Кое-где были видны транспаранты, но я не смог прочитать, что на них написано.

Только вот музыка, которая непременно должна была сопровождать это мероприятие, молчала. А еще на трибуне стучал по микрофону какой-то пузатый мужик в костюме, а чуть в стороне склонился над пультом звукорежиссер, не понимая, почему вдруг отключилось питание аппаратуры.

Увидев наши машины, абсолютно чуждые в этом с виду абсолютно нормальном месте, еще и сопровождаемые беспилотниками, люди насторожились, а когда муры открыли огонь, дети и взрослые бросились врассыпную, во все стороны. Те, кому хватало ума, бежали в глубь парка и в здание, остальные – куда глаза глядят.

– Ты уверен, что здесь обычно пятьсот человек переносится? – спросил я у Бродяжника.

– Это Улей, как тут вообще можно быть в чем-то уверенным? – раздраженно ответил тот и вывернул руль, чудом избегая столкновения с ползущим в нашу сторону «жигуленком», который секунду спустя полыхнул взрывом – беспилотники расчищали дорогу для муров. – Тут школьники, они не обратятся, мелкие слишком.

– А это значит?

– Что тут скоро будет куча тварей, которые на них откормятся, – ответил мой спаситель. – Не отвлекай.

Он снова повернул руль, машина вильнула и слегка зацепила стоявший на обочине белый «БМВ». Раздался противный скрежет, и на борту машины появилось несколько царапин от колючей проволоки.

Сзади вновь послышались выстрелы, и пули забарабанили по кузову «бобика». Я рефлексивно пригнулся, зашипел от проснувшейся боли в ноге и выругался, влетев головой в переднюю панель, когда Бродяжник затормозил.

Одновременно с выстрелами завизжала сирена. Мои коллеги работали оперативно, и через пару секунд к погоне присоединилось два милицеевских «зубила». А вот это было плохо, потому что каким бы отстоем ни были русские тачки, эти сделают «УАЗ» по скорости на раз-два. А стоит им обогнать машину, как один из ментов даст очередь по колесам.

Что-то хлопнуло, я глянул в окно и увидел, что на капоте одной из «девяток» расцвел огненный цветок. Машина тут же съехала с дороги, врезалась в стену дома и полыхнула уже всерьез. Огонь добрался до бензобака удивительно быстро, после чего тачка подпрыгнула на месте и взорвалась, добавив в пейзаж провинциального праздника свою долю огонька. В дело снова вступили беспилотники.

– У них, что, в дронах зажигательные ракеты? – спросил я, потирая лоб.

– Да у них самые разные, – сквозь зубы процедил Бродяжник, и я понял, что его лучше не донимать вопросами. По крайней мере, пока мы не доберемся до безопасного места.

Если это, конечно, нам удастся, потому что пока муры упрямо хотят добраться до нас. Правда, похоже, сперва они решили расправиться с досадной помехой в виде местной милиции, потому что перенесли огонь на вторую «девятку».

Я решил воспользоваться моментом. Вытащил из кобуры пистолет, высунул руку, кое-как прицелился в преследующий нас джип незнакомой мне модели. Выстрелил, пуля ударила в лобовое стекло, оставив на нем белую кляксу из трещин. Я спустил курок еще дважды, пытаясь попасть в водителя, но бронированное стекло все так же не пропускало маломощные пистолетные пули.

Может быть, пулю из «АКМ» оно и не выдержало бы, но целиться из автомата на ходу, в тесноте салона и с моей ногой было нереально. Решив, что тратить драгоценные патроны нет смысла, я снова уселся на сиденье. Оставалось надеяться, что я, по крайней мере, напугал водителя муров и испортил ему обзор.

– Промазал? – спросил Бродяжник, полностью сосредоточившийся на дороге.

– Попал, стекла, мать их, бронированные, – ответил я и тут же во второй раз влетел лицом в панель.

Бродяжник вдруг ударил по тормозам, джип врезался в «УАЗ», толкнув его вперед, меня бросило вперед, и я взвыл от боли в ноге. Поругавшись всласть, я решил, что больше не допущу такой оплошности, поймал пряжку ремня безопасности и кое-как пристегнулся.

– Зачем? – спросил я, бросив недоуменный взгляд на водителя.

– Да пусть их помотает, – ответил тот.

Вторая милицeйская машина тоже выбыла из погони. Бросив взгляд в окно, я увидел, что она потеряла управление и ткнулась в припаркованную на обочине «Ниву». Тачка гораздо сильнее походила на решето или очень крупную терку, а кровь на лобовом стекле было видно даже отсюда. Пацанов было чисто по-человечески жалко, хоть их скорее всего ничего хорошего и не ждало в мире Улья. Но ведь они просто выполняли свой долг.

Могло ведь случиться так, что я сейчас оказался бы на их месте.

Машину снова тряхнуло, ремень больно впился в грудь. Мотор их тачки, похоже, был гораздо мощнее уазовского, водитель без труда догнал нас и бортанул в задний бампер. Видимо, надеялся, что от такого удара «бобик» развернет. Я услышал, как Бродяжник отчаянно выругался, и понял, что впервые слышу от него мат. Значит, дела шли совсем плохо.

Высунул голову в окно и чуть не лишился ее – пуля со свистом пролетела мимо, обдав меня потоком горячего воздуха. Ублюдки снова сосредоточили стрельбу на нас, машина постепенно превращалась в подобие дуршлага, но, как ни странно, кузов пробивала даже не каждая третья пуля. Похоже, и «бобик» они переделали, защитив от пуль. Или он уже перенесся бронированный? Правда, не слышал я о таких модификациях, но что могут значить мои знания в объеме Мультиверсума?

– Дай пистолет, – сказал Бродяжник, протянув мне руку. Я без возражений вложил ему в ладонь рукоять «макарова» и тут же услышал следующий приказ: – Держи руль.

Я схватился за колесо. Вести машину прямо в неудобной позе было совсем не просто, приходилось прилагать огромные усилия, но я старался. Правда, долго мучиться мне не пришлось, не успел я моргнуть, как раздался звук выстрела, а Бродяжник уже схватился за руль и протягивал мне оружие назад.

Эта ситуация заставила меня опешить, несмотря на то что раньше мой спаситель уже демонстрировал нечеловеческую скорость. Но привыкнуть к такому все равно очень сложно. Особенно если учесть, что плотность огня по нам упала как минимум вдвое, значит, патрон он зря не истратил и пуля не ушла в «молоко».

– Чего ты как неживой, стреляй по пидорасам! – заорал Бродяжник, вывернул руль, заставляя машину выехать на тротуар, и стал изо всех сил давить на клаксон.

Перед глазами мелькнуло лицо девчонки, которой не повезло оказаться на дороге у нашей машины. Послышался смачный хруст, потом удар о крышу машины, а через пару секунд изломанное тело жертвы ДТП стало видно в боковое зеркало. Я скрипнул зубами.

Теперь мне стал ясен маневр Бродяжника – он специально выехал на тротуар по левой стороне дороги. От парка, который простирался по ту сторону, нас ограждал металлический забор, и преследователи могли пристроиться только справа. Я оглянулся. Стрелку пришлось потратить несколько секунд, чтобы выбросить из машины мешающее ему тело товарища, убитого моим спасителем.

А мне этого времени хватило, чтобы прицелиться. Не совсем доверяя себе, я выстрелил еще трижды, надеясь, что хоть одной пулей достану ублюдка.

Но вышло гораздо интереснее. Стремясь уклониться от столкновения с ехавшим навстречу мусоровозом, водитель повернул руль влево в тот самый момент, когда я нажал на спуск, и оказался на линии огня.

Пуля влетела ему в башку, и управлять машиной в таком состоянии он, естественно, уже не мог. Подпрыгнув, машина вильнула вправо, ушла в занос и столкнулась с мусоровозом,

водитель которого отчаянно пытался затормозить. Да только куда там, даже на скорости в сорок километров в час импульс у грузовика был бешеный...

Секунду спустя послышался звук рвущегося металла. Даже если муру посчастливилось выжить, я был уверен, что продолжить погоню он не сможет. А еще через мгновение, оставляя дымные следы, к кузову мусоровоза отправилось сразу две ракеты. Взрывы слились воедино, а машина вспыхнула, словно спичка.

– Ну ты и снайпер, – проговорил Бродяжник, который только сейчас осознал, что между моим выстрелом и выбывшим из схватки джипом есть связь. Он помотал головой, вывернул руль, вернувшись на проезжую часть, и высунулся из машины.

– Я не в водителя целился, в стрелка, – признался я и последовал его примеру. Если не считать продолжавших лететь за нами беспилотников, можно сделать вывод, что погоня закончилась. – Что, оторвались?

– Ага, оторвались... Сейчас на дронах отключат режим «свой – чужой» или управление оператору передадут, и разбросает нас по кластерам в виде фарша.

– У них боезапас закончиться не должен уже? – Я с беспокойством посмотрел на разносивший неудачно подвернувшийся под сенсоры японский пикап.

– Откуда мне знать, я их проектировал, что ли? – Бродяжник утопил педаль газа, и расстояние между нами и то и дело отвлекающимися на посторонние цели беспилотниками стало медленно, но уверенно увеличиваться.

Он вывернул руль, и нашу машину от сенсоров дронов скрыли заросли сосен парка. Мы проехали мимо аллеи, ведущей к бюсту мужика с волевым лицом, квартала из одинаковых красных многоэтажных зданий и супермаркета «Девяточка». Потом Бродяжник вновь повернул машину, погнав ее вдоль почти одинаковых коттеджей, среди которых через полторы сотни метров стали попадаться дома, неотличимые от тех, что я видел в Брянской области.

А потом мы миновали границу кластера и оказались в какой-то серой и унылой промзоне: теплоэлектроцентраль с высокими трубами, производственные корпуса неизвестного назначения и множество машин, брошенных прямо на дороге и заботливо припаркованных у обочины.

Взрывы продолжали доноситься до нас, но с каждой секундой звук становился все тише и тише. Я бросил взгляд в окно и увидел бегущего через пустырь лотерейщика. Похоже, тварь реагировала на шум, а может быть, чувствовала перезагрузку и знала, что найдет на свежем кластере кучу мяса. За ней, чуть в отдалении, виднелись еще несколько быстрых и крупных фигур.

– Все. Твари пришли на обед. Теперь беспилотникам не до нас. Оторвались, – проговорил Бродяжник, слегка развалившись в кресле. На монстра он не отреагировал, хоть и не мог не увидеть бегущую, не таясь, тварь.

От напряжения в его голосе не осталось и следа. Зато меня аж колотило.

– Ты чего? – повернулся ко мне Бродяжник. – Проняло? Расслабься, крестничек! Живы – и нормально. Хорошая примета, вырвались, принял тебя Улей! Ты уж его теперь не разочаруй!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.